

ДЖАВАНИЯ ЧЕРНОВА

КНИГА ПЕРВАЯ

ТХЕРИОНЦЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джавания Чернова
Тхерионцы. Книга первая

«Автор»

2026

Чернова Д.

Тхерионцы. Книга первая / Д. Чернова — «Автор», 2026

Две женщины, которые ненавидят друг друга. Но кто их настоящий враг? Способны ли они объединиться против того, о ком даже не подозревают? Тёмное фэнтези о сильных героинях, боли и выборе. Тёмное фэнтези, где любовь — лишь фон. Где магия — это не дар, а проклятие. Дарайя — проклятая. Тхерионка без духа. Без надежды. С золотым глазом хищника и шрамом через всё лицо. В детстве её деревню стёрли с лица земли монстры. Она выжила, но с тех пор носит в себе нечто чужое — тьму, которая просыпается в минуты опасности и сжигает врагов дотла. Она не контролирует это. Она боится себя. И она ищет ответы. Елена — идеальная воительница с духом-волком. Холодная. Безжалостная. Её цель — власть. Король Оридона отправляет её по следу Дарайи: найти беглянку и доставить живой. Простое задание для той, кто не знает пощады. Они не подруги. Они не сёстры по оружию. Они — две женщины, готовые перегрызть друг другу глотку. Но когда на кону весь мир, даже смертельные враги становятся союзниками.

© Чернова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	34
ГЛАВА 6	41
ГЛАВА 7	49
ГЛАВА 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джавания Чернова Тхерионцы. Книга первая

Глава

ПРОЛОГ

Осень бывает нежной.

С ее изящными листьями — желтыми, красными, почти прозрачными на солнце, — что танцуют в воздухе, прежде чем лечь под ноги мягким шуршащим ковром. С ее урожаем, тяжелым и щедрым, что дарит людям шанс пережить зиму. С ее солнцем — уже не пьянящим, не обжигающим, а ласковым, будто лучи устали от летней работы и теперь просто гладят по щеке, успокаивают, обещают покой.

В такую осень жители королевств выносят длинные столы на улицы, накрывают их яствами, благодарят богов за то, что пережили еще один год, и верят, что следующий будет не хуже.

Эта осень была другой.

Она не была нежной. Она не была щедрой. Горожане уже и не помнили, когда в последний раз видели ту, другую осень. Семь лет назад? Восемь? А может, прошла уже целая вечность. Все последние годы слились в один — тягучий, липкий, как смола. Одиннадцать месяцев ожидания. Не простого — скользкого, мерзкого, заползающего под кожу, в кровь, в кости. Одиннадцать месяцев, когда каждое утро начинается с мысли: «Сегодня? Или ещё не сегодня?»

А после наступал месяц жатвы.

Только собирали урожай уже не люди.

Но кто?

Боги, наказывающие людей за грехи? Демоны, пришедшие забрать души грешников? Если бы только они представлялись перед тем, как забрать. Если бы можно было посмотреть им в глаза и понять — за что? Глупые мысли, конечно. Как будто мёртвым станет легче от того, что они узнают имя своего палача.

Словно сама стихия чувствовала: здесь нет места для радости. Как скорбь рвала души, так и ветер рвал одежду на людях, столпившихся вокруг могилы.

Эмма была шестьдесят третьей.

А жатва только начиналась...

Люди расходились молча. Что толку стоять? Сегодня уже похоронили четверых, ещё два тела ждали своей очереди у ворот. До тех пор, пока найдутся силы и свободные руки, чтобы прикопать их в мёрзлой земле.

У могилы Эммы остался лишь мужчина лет сорока. Он стоял на коленях, вцепившись пальцами в мокрую глину, и не поднимал головы. Жатва забрала у него двоих дочерей. Теперь — жену. Он не смотрел на неё перед тем, как ее опустили в землю. Не мог. От её тела почти ничего не осталось. Также, как и от всех остальных. Высушенная кожа, чёрные провалы глазниц. Он не хотел запоминать её такой. В его памяти уже были лица дочерей — такие же пустые, такие же чужие. Когда пришли сказать, что нашли Эмму, он твёрдо решил: не смотреть. Вверх, вбок, на стену, в небо — куда угодно, только не на нее.

И сейчас, стоя на коленях, он шептал потрескавшимися губами одни и те же слова, будто молитву:

— Хотя бы ты, Эмма... Хотя бы ты останешься в моей памяти живой. Если не они, то хотя бы ты...

Шёпот тонул в завывании ветра, плечи мелко дрожали — не от холода, а от усилия сдерживать рвущийся наружу вой. Ком мокрой глины выскользнул из пальцев, упал на свежий холмик с глухим шлепком.

Айна смотрела на него с холма.

Она стояла там, где кладбище граничило с лесом, — на самом краю, откуда видно всё сразу: и могилы, и расходящихся людей, и этого мужчину, сжимающего землю, будто он мог

удержать ею ту, что ушла. Дождь не унимался. Чёрные тучи всё наползали с востока — тяжёлые, как бушующее море. Айна не видела моря никогда, но представляла его именно таким. Её плащ из некрашеного сукна давно промок, ветер пробирался под одежду, леденил кожу. Но она этого не замечала.

Мы просто корм для них, — думала Айна, - Когда же эти твари насытятся?

Ей было двадцать три. В её мире годы отсчитывали иначе — не по дням рождения, а по осеням, которые удалось пережить. Если тебя не забрали в эту жатву — значит, ты прожил ещё один год.

Спрятаться нельзя.

Не важно, где ты — на улице, в собственном доме, в подвале. Если выбрали — найдут. Всегда. Заберут, но вернут тело. Оставят у городских ворот, будто брагу, которую не допил. Зачем? Чтобы родные могли похоронить? Будто в них есть сострадание, больше похожее на издёвку.

Айна не знала. И не хотела знать. Она хотела только одного: чтобы это кончилось.

Ксавьера забрали год назад.

Она помнила тот день по секундам. Помнила, как утром он улыбнулся, уходя, поцеловал её в лоб и сказал: «Вечером будем праздновать». Помнила, как ждала, как выглядывала в окно, как темнело небо, а его всё не было. Помнила крики на улице, бегущих людей, тупое, ватное чувство, когда в дверь постучали.

Помнила его лицо.

Пустые глазницы. Капли дождя, стекающие по щекам — будто слёзы по не прожитым дням. По детям, которых он так и не увидел.

Через два месяца после смерти Ксавьера Айна родила. Мальчика и девочку. Здоровых, крикливых, тёплых. Возможно, только они и удержали её в этом мире. Но не было ни часа, чтобы она не вспоминала то лицо. Пустые глаза. Дождь на щеках.

Она хорошо понимала мужчину на могиле Эммы. Если бы можно было повернуть время вспять — она бы тоже не смотрела. Никогда. Но Ксавьер приходил к ней каждую ночь. Во сне.

Нет, не он.

Кто-то другой. Кто-то, кто с лицом её мёртвого мужа. Он говорил с ней. Голос был тихий, настойчивый, он заползал в уши, в голову, в самую душу. Он убеждал её: выход есть. Ты должна его найти. Ты должна спасти своих детей.

Каждое утро Айна просыпалась с желанием бежать, искать, кричать. Но куда бежать? У кого спрашивать? Люди боялись даже говорить о НИХ, будто слова могли призвать жатву раньше срока.

— Тебе не стоит приходиться на каждые похороны, Айна.

Голос брата вырвал её из оцепенения. Айна моргнула — раз, другой, прогоняя видения, — и ответила, не оборачиваясь:

— А тебе не обязательно следить за мной, Айзек.

— Мне и следить не надо. Все знают, где ты в эти дни.

Айзек подошёл ближе. Остановился в двух шагах от неё. Она чувствовала его спиной — напряжение, тревогу, желание помочь и неумение этого сделать. Он всегда таким был, сколько она себя помнила. Старший брат, который носил её на плечах, таскал за косу, а потом, когда выросли, просто был рядом. Надёжный. Спокойный.

Сейчас его спокойствие давалось ему с трудом.

Айна укуталась в шаль глубже, спрятала подбородок в мокрую ткань.

— Айна, — начал он осторожно, — им нужна мать. Мы... мы любим их, но мы не ты.

Он дёрнул рукой, хотел положить ей на плечо — и замер. Так и остался стоять с поднятой рукой, не решаясь коснуться.

— Я знаю, с тобой что-то происходит, — сказал он уже твёрже. — У каждого из нас кого-то забрали. У Мадлен младшего брата неделю назад. Она убита горем, но находит силы жить дальше. Мы все, Айна, находим в себе силы. А что нам остаётся? Мы не сломались. Мы живём. Ради тех, кто остался. И ради тех, кого ОНИ забрали.

Последние слова он уже не говорил — выдыхал их сквозь зубы. Айзек сжал кулаки, будто готовился к драке.

Айна молчала.

Она не могла ему объяснить. Не могла сказать: «Айзек, по ночам ко мне приходит голос в обличье моего мёртвого мужа. Он говорит, что я должна что-то сделать. Он сводит меня с ума». Они и так смотрели на неё как на полоумную. С тех пор как она отдала детей. С тех пор как перестала ночевать дома. С тех пор как превратилась в тень, которая появляется раз в две недели, играет с малышами, кормит их, укладывает спать — и снова исчезает.

Она знала, что говорят за спиной. «Сломалась. Не выдержала. Детей бросила, сама по миру мыкается». Пусть. Пусть говорят. Главное, чтобы дети были в безопасности. Чтобы их не коснулось то, что коснулось её.

Айна пришла к Айзеку через три дня после родов. Пришла, отдала свёртки с детьми и молча ушла. Она не дала им имён. И до сих пор, когда приходила навещать, не называла по имени. Будто боялась, что имя привяжет их к ней крепче, чем кровь. Будто не верила, что имеет на это право.

Но как обезличить тепло маленькой ручки, сжимающей твой палец? Как забыть запах молока и детской кожи, введшийся в память глубже любого имени?

Она не могла не приходить. И не могла остаться. Разорванное в клочья материнское сердце не выдерживало разлуки, но и близость была пыткой.

— Я знаю, ты хочешь как лучше, — ответила она наконец. Слова давались ей с хрипотцой. — Но то, что я делаю... это не ради себя. Это ради них.

— Что ты делаешь? — Айзек шагнул ближе. — Куда ты уходишь? С кем говоришь? Айна, я твой брат, и я имею право знать!

Она повернулась к нему.

Впервые за весь разговор — посмотрела в глаза.

— Ты имеешь право знать, что я люблю их, — сказала она тихо. — Всё остальное... не твоя забота. Прости.

Она не оглядываясь пошла вниз с холма, оставляя Айзека одного стоять под дождём.

Чтобы найти ответ. Чтобы заплатить Им их же монетой. Чтобы услышать в ночи другой шепот — шепот конца их жатвы.

ГЛАВА 1

Дарайя

*Кто зверя в себе пробудил — тот живёт
На грани двух миров.
Один даёт нам свет и тепло,
Другой — остроту клинков.
Не ступит Тьма за порог.
Третий уносится в облака,
Четвёртый — встаёт стеной.
Пока струится их кровь в родах —
Не ступит Тьма за порог.
Баллада о тхерионцах. Песнь первая*

Кап, кап, кап...

Назойливый звук, кажущийся таким громким и бьющим каждой каплей по голове, словно молотом, жутко раздражал. Нужно пересилить себя и открыть глаза. Боги, это казалось невозможной задачей. Будто сверху кто-то решил подшутить и придавил титаническим одеялом, если конечно у титанов были одеяла.

Дарайя сделала вдох, медленный, пытаюсь осознать и прочувствовать свое тело. Потом медленный выдох. Пошевелила пальцами на руках, потом на ногах. Еще один вдох, более глубокий. Сознание начинало просыпаться, а вместе с ним и обрывки вчерашнего вечера. Да, даже изматывающие тренировки, которые ей и Орвину неустанно устраивал Айден, даже встреча на прошлой неделе с мерзкой паукообразной лисой в болотах не оставляли тело Дарайи таким разбитым, как похмелье после сомнительного вина в тавернах, которое Дарайя зареклась пить еще с прошлого раза.

Да еще и эти сны... Каждый раз, когда ей снилась эта женщина...сегодня Дарайя запомнила, как ее зовут. Айна. Каждый раз после таких снов сил не было вовсе, а после вина, сны становились более яркими и четкими. Будто Дарайя сама проживала эту жизнь и эту боль в чужом теле. Сначала она списывала все на бурную фантазию, но с каждым разом сны были все более и более живые и все больше вызвали необъяснимую тревогу. Откинув мысли о сне, Дарайя вновь попыталась вернуть себя к реальности и вчерашнему вечеру.

Кап...Вспышка в голове вернула в память чей-то смех за столом...

Кап – кап... еще одна вспышка. Кубок в ее руках. Ох, пятый был уже лишний...

Кап... Глаза того парня такие...такие...как небо в самые ясные дни...такие красивые...вот проклятие...

Дарайя на середине третьего вдоха резко открыла глаза и увидела того самого парня из своих вспышек памяти. Да, она была права, пятый кубок вина был лишним. Ну почему она никогда не слушает, что говорит ей Айден. Или слушает, но делает по-своему. Дарайя, поморщившись прокрутила в голове предстоящий разговор со своим наставником. Медленно, стараясь дышать так, чтобы не разбудить мирно спящего парня, начала выбираться из постели. Оглядев комнату таверны, она нашла разбросанные вещи на полу. Около сапог медленно разрасталась лужа. Комната, в которой они ночевали находилась на последнем этаже, и видимо крыша где-то прохудилась. Дождь, прошедший, пока они спали, стал проникать сквозь щели. Одна штанина промокла, но выбора все равно не было, если только не украсть штаны незнакомца.

И все же, он очень красив...

— Вспомнить бы еще как зовут этого придурка.

Сообразив, что это она сказала в слух, Дарайя испуганно обернулась и замерла. Спящий красавчик, так она дала ему второе имя после придурка, не пошевелился. Не было слышно даже как он дышит. Пришлось подойти поближе и прислушаться, дышит ли. Лишние проблемы сейчас точно ей были не нужны.

Вчера пришлось объяснять двум особо любопытным посетителям таверны, что у нее с глазами, и откуда этот шрам. Простых объяснений о том, что невежливо задавать девушке такие вопросы, не помогли. Пришлось выводить на улицу, где разговор перешел в другую, более физически – осязаемую форму. Двое мужчин остались лежать в переулке за таверной. Дарайя, подняв голову увидела у входа высокого парня, который наблюдал за их дракой, сложив руки на груди и прислонившись к дверному проему.

— Мне абсолютно все равно, что у тебя с глазами и откуда этот шрам, — произнес он, подняв руки и демонстрируя мирные намерения.

То ли высокий рост и удивительно красивая улыбка привлекли Дарайю в нем, то ли то, что он не задал ни одного вопроса о ней, но как итог: сегодня утром она никак не могла понять, почему вообще оказалась с ним в одной постели.

Больше всего времени занял поиск линзы, которую друг Айдена тхерионец с духом фламинго создал для Дарайи, чтобы скрыть ее глаз от любопытных людей. Линза помогала, но иногда она смещалась в бок, и тогда Дарайя приводила окружающих в еще более сильное смещение и любопытство, как это произошло вчера. Линзы не было среди раскиданной одежды. Не было её и на полу. Девушка уже начинала закипать и мысленно добавила в список недовольств Айдена еще один пункт.

Смирившись с потерянной линзой, Дарайя тихо выскользнула за дверь комнаты. Таверна, в которой они вчера остались, представляла собой трехэтажное измученное здание. Спустившись с верхнего этажа по скрипучей лестнице, Дарайя обнаружили таверну преобразенной.

Вместо густого вечернего гама и дымной завесы царил сонная, пропахшая кофе и свежей выпечкой тишина. Столы, еще вчера заставленные кружками вина, теперь были пусты. Сквозь протертые столешницы проступала фактура старого дерева. Широкие оконные ставни были распахнуты, впуская внутрь столбы яркого утреннего солнца, в которых плясала золотистая пыль.

Хозяйка, та самая грозная тхерионка с духом маленькой змейки, теперь с улыбкой помещивала что-то в большом котле, и оттуда тянул душистый пар овсяной каши с медом. А на столах около окон на больших подносах появлялись как будто бы из ниоткуда листья и цветки медуницы. Повернув голову, Дарайя увидела большие охапки этих цветов, с которых листья пропадали и появлялись на подносах, для дальнейшей просушки. Дух змейки на плече хозяйки таверны как будто бы спал, почти невидимый, сливаясь с парами котлов, но приглядевшись можно было увидеть, как время от времени змейка приоткрывала глаза и покачивала своим почти прозрачным хвостом, как будто дирижировала им, управляя процессом заготовки и просушки целебных трав. Хозяйка таверны посмотрела на постепенно наполняющиеся подносы с медуницей и удовлетворенно хмыкнула.

Значит у нас тут тхерионка, подрабатывающая продажей зелий – подумала Дарайя, пытаясь припомнить, что из запасов им нужно пополнить перед отъездом из города.

С улицы доносился негромкий утренний гул проснувшегося города: крики разносчиков, скрип тележных колес и отдаленный перезвон колоколов.

Единственные другие посетители — пара возчиков, молчаливые и угрюмые, одному богу известно почему не поехавшие после длинной ночи по домам. Они сосредоточенно уничтожали еду с тарелок. После шумной ночи это место казалось другим — умиротворенным и гостеприимным, готовым подкрепить путников перед долгой дорогой. По меркам Дарайи и ее спутников эта таверна была одним из лучших мест, в которых им приходилось ночевать за

последние несколько месяцев. Они могли выбрать место потише и дешевле, с краю города, но Орвин настоял на том, что после сражения и раны, которую он получил в бою, на самом деле не больше царапины, он заслужил поспать хотя бы одну ночь в приличном месте.

Дарайя медленно окинула взглядом полупустое помещение. Лучи утреннего солнца, пробивавшиеся через пыльные стекла окон, выхватывали из полумрака пустые столы.

Именно тогда ее взгляд уловил движение в глубине зала. В дальней стене, за массивной дубовой балкой, скрывалась неприметная, глубокая ниша, почти полностью утопавшая в тени. В ее уединенной глубине стоял стол, и за ним Дарайя наконец различила силуэты своих спутников. Они сидели, отодвинутые от основного пространства. Заметив ее, один из них поднял руку в сдержанном, но узнаваемом жесте, приглашая присоединиться к их молчаливому ожиданию.

Дарайя направилась к их столу, её шаги отдавались глухим стуком по потрёпанному полу. Айден, не отрываясь от созерцания содержимого своей тарелки, лишь мельком взглянул на неё, но и этого мгновения хватило, чтобы Дарайя с чёткостью, которую даровало похмельное утро, уловила в его взгляде молчаливое, но оттого не менее весомое осуждение.

Причин для его недовольства было предостаточно: вчерашняя потасовка, которую она с лёгкостью затеяла у стойки, поздний вечер, который она провела в компании незнакомого мужчины, скрывшись за дверью его комнаты. Дарайя не знала наверняка и не особо стремилась угадать. Это её не сильно-то и беспокоило.

Айден в её жизни занимал странное место — нечто среднее между временами занудным старшим братом и ворчливым отцом. Но Айден не был ей отцом, не имел над ней никакой настоящей власти, а потому и укоры совести были бессильны против её врождённого своенравия. Единственное, что мучило Дарайю в тот миг — это навязчивая, пульсирующая в висках головная боль. Красноречивое напоминание о бурно прожитой ночи.

Орвин же, в противоположность своему угрюмому спутнику, смотрел на Дарайю, не отрываясь. Его слегка прищуренные ореховые глаза с любопытством изучали её, скользя от растрёпанных волос цвета поздней вишни до самых пяток. На его устах застыла хитрая, чуть насмешливая улыбка, которая появлялась у него, когда он был в курсе какой-то пикантной тайны. И, что было совсем несправедливо, выглядел он поразительно свежим и полным сил, хотя, если память не изменяла Дарайе, количество опустошённых ими накануне кувшинов с вином было равным.

Дарайя опустила на свободное место, с облегчением прислонившись спиной к прохладной каменной стене. Её взгляд скользнул по столу, и, увидев, что он был накрыт на троих, она издала короткий, благодарный звук — не то вздох, не то довольное мурлыканье, — и тут же принялась за свою порцию дымящейся овсяной каши и яичницы. Ни свинцовое похмелье, ни пульсирующая в висках боль не смогли перебить волну аппетита, поднявшуюся от запаха свежего, ещё тёплого хлеба. Сознывая, что впереди их ждёт насыщенный делами день, а времени на раскачку нет, Дарайя принялась есть с практичной, сосредоточенной решимостью, заставляя тело наполняться силами.

Их разношерстная компания могла бы бросаться в глаза, но на континенте хватало чудачковатых странников. Простых людей, тхерионцев с их духами. Единственное, что приходилось скрывать это глаз Дарайи. Но в этом деле в населенных пунктах помогал глубокий капюшон и да сегодняшнего утра, линза, которую Дарайя так и не нашла.

— Ну и как оно? — даже не пытаясь спрятать улыбки, спросил Орвин.

— Любопытство до добра не доводит, слышал? — Дарайя и не пыталась быть учливой. Ей и в обычные дни давалось по утрам это с трудом, а сегодня тем более.

— Если тебе интересно, это я принес завтрак и на тебя. Айден голосовал за то, чтобы оставить тебя без еды. — Улыбка Орвина стала еще более лучезарной.

Дарайя промолчала, решив, что, если она не будет отвечать, Орвин быстрее успокоится и у него пропадет интерес к расспросам.

— Где линза, Ди? — Айден наконец поднял глаза. Его голос был сдержанным, но в нём не было и следа утренней расслабленности. Взгляд, острый и сосредоточенный, был прикован к Дарайе — точнее, к её правому глазу, где должна была скрывать правду утерянная линза.

Но вместо тёмной обманки Айден смотрел прямо в золотисто-янтарную глубину. Глаз сиял словно расплавленное солнце, но по-настоящему пугало другое — зрачок, узкий и вертикальный, как у хищной кошки. Он придавал её взгляду дикое, незнакомое выражение, особенно на фоне второго глаза — обычного, тёмно-карего, почти чёрного, с идеально – круглым человеческим зрачком.

Помимо глаза, по всей правой половине лица Дарайи тянулась бледная, неровная полоса — старый, давно заживший шрам, оставленный когтем чудовища. Он начинался у линии роста волос и, извиваясь, доходил до самого подбородка. Обе эти отметины — и шрам, и дикий глаз — были немymi свидетельствами кровавой бойни, случившейся одиннадцать лет назад. И если шрам, при всей его зловещности, можно было принять за след давнего несчастного случая, то хищный, вертикальный зрачок её правого глаза не оставлял сомнений в её... иной природе. Он один стоил десятка любопытных взглядов и шепотов за спиной, приковывая к себе внимание с магической, неотвратимой силой.

Дарайя снова промолчала. Она понимала: потерять линзу, на получение которой Айден потратил не один месяц, было верхом безалаберности даже для неё. Она и правда обшарила всю комнату, каким-то чудом не разбудив своего ночного спутника, но проклятой линзы нигде не было.

Дарайя встретила взглядом с Айденом, и в её глазах читалась целая смесь чувств — вина, досада и упрямое нежелание объясняться. Она откинулась на спинку скамьи, набрала в лёгкие воздуха и произнесла:

— Айден, мне жаль, правда.

Сказав это, Дарайя крепко сжала губы, ожидая его реакции. Айден лишь слегка приподнял брови — единственный признак недовольства.

В этот момент Орвин положил на стол руку ладонью вверх, и на ней проявился его дух — хорёк. Дух мирно спал, свернувшись клубком, впрочем, как и девяносто процентов времени, что проводил в видимом облике.

— Самый ленивый дух из всех, что мне доводилось встречать, — проворчал Орвин, сам лениво ухмыляясь.

Орвин, конечно, лукавил. Его хорёк был духом второго уровня, и, если бы не их кочевая жизнь, из Орвина мог бы выйти отличный ремесленник. Пока же его дух-хорёк позволял им разводить огонь в любом месте, даже без дров. Этим огнём нельзя было обжечься, и его можно было безопасно разводить даже в палатке. Он давал достаточно тепла, чтобы приготовить пищу и согреться даже в самые лютые зимние ночи, которые нередко приходилось проводить под открытым небом. В такие периоды дух уставал сильнее. Зимой казалось, будто он спит без просыпу, словно и самому ему требовалось согреться, уткнувшись мордочкой в шею Орвина.

— Ты же знаешь, духи отражают суть личности хозяина, так что я бы на твоём месте не торопился с обвинениями, — заметил Айден.

Дух-хорёк был полупрозрачным, а его силуэт мерцал, то появляясь, то исчезая вместе с лёгким свечением, окружавшим его. Плотным, осязаемым он становился лишь на те короткие мгновения, когда пальцы Орвина касались его, чеша за ухом или глядя по шерстке.

Дарайя и Айден наконец разомкнули зрительный контакт. С невозмутимым видом он вернулся к завтраку, словно ничего не произошло. Орвин улыбнулся спящему на его руке хорьку и, чуть склонив голову, добавил — скорее даже хорьку, чем Айдену:

— Да я же и не отрицаю. Любовь к мягкой перине у меня даже сильнее, чем у Дарайи к высоким брюнетам. Ах ты...

Орвин резко зашипел от внезапного пинка ногой Дарайи под столом. Хорёк на его руке взметнулся в воздух, растворился в легкой дымке и тут же материализовался на плече у хозяйки, нервно водя носом, пытаясь уловить источник угрозы.

— В следующий раз я отрежу тебе язык, — проворчала Дарайя, но в её словах не было настоящей злобы. Скорее, в её голосе звучала самодовольная ухмылка старшей сестры, которая всё ещё в состоянии устроить взбучку провинившемуся младшему брату.

Орвин и вправду приходился ей двоюродным братом. Их матери были родными сёстрами, и обе погибли в один день. Так одиннадцать лет назад Дарайя и Орвин одновременно стали сиротами. Отец Дарайи пал тогда же, а своего кровного отца Орвин не видел никогда.

Айден же, не будучи родным, стал для мальчика отцом. Широкоплечий, темнокожий мужчина с ясными зелёными глазами, он неожиданно появился в их прибрежной деревне на юге континента, в королевстве Моридум. Двадцатидевятилетний Айден, выросший в бродячем цирке, где работал гимнастом до своего совершеннолетия, а затем отслуживший десять лет королю Торины, к тому времени искал покоя и места, которое смог бы назвать домом.

Этот дом он увидел в красивой и статной черноглазой тхерионке с пятилетним сыном на руках, которую звали Лиана. Она одна растила мальчика, и в её тихом дворе Айден наконец обрёл то, что так долго искал. Не смотря на то, что он был человеком, а браки между людьми и тхерионцами не поощрялись, они были счастливы. Но судьба позволила их тихому счастью прожить лишь четыре года.

Ровно до того дня, когда в Дарайе должен был пробудиться её дух.

В день её двенадцатилетия.

— Айден...

— Айдеен... — чуть громче повторила Дарайя.

Айден сморгнул, вернувшись мыслями в таверну. Дарайя знала, о чем задумался ее друг. Даже спустя все эти годы боль от утраты Лианы не стала меньше, только слегка притупилась. За эти годы он не позволил себе сойтись ни с одной женщиной. Да, были мимолетные подружки, но ни к кому душой он так и не привязался. К тому же взяв на себя ответственность за двоих детей, у Айдена появились другие заботы. Черты его лица, грубые и резкие, словно высеченные топором, выдавали в нем бывшего воина. В его осанке, даже сидя за столом, угадывалась выучка гимнаста — собранность и скрытая мощь. Но лицо его принадлежало уже не циркачу и не солдату. Суровость, отлитая в широких скулах и твердой линии подбородка, теперь была смягчена усталой тенью вокруг глаз. Эти глаза, ясные и зелёные, как морская волна, за годы, проведенные с детьми, научились выражать не только жесткость, но и терпение, а у рта, привыкшего сжиматься в бою, появилась новая складка — тревоги за тех, кого он взялся защищать.

— Айден, хозяйка здесь — тхерионка, — Дарайя понизила голос, кивнув в сторону стойки. — Я видела, как она со своей змейкой сушит медуницу. Уверена, у неё припрятано что-то ещё... Нам бы пополнить запасы. Мне бы не помешало то зелье, от головы. У меня почти ничего не осталось.

Головные боли стали её верными, хоть и незваными спутниками. Порой сквозь давящий шум в висках ей чудился настойчивый шёпот, а в редкие спокойные ночи её посещали сны — яркие, словно прожитая чужая жизнь. Целебные отвары притупляли боль и прогоняли шепчущие голоса, но не могли избавить от снов полностью. Они всё ещё приходили, хоть и не с такой навязчивой ясностью, напоминая о том, что покой для Дарайи — лишь временная передышка.

За Айдена ответил Орвин, самодовольно откинувшись на спинку скамьи:

— В отличие от некоторых принцесс, предпочитающих спать до обеда, мы уже уладили все дела. Хозяйку зовут Арлетта, и она оказалась крайне прекрасной особой.

— И чем же она прекрасна? — подозрительно сощурилась Дарайя.

— А тем, что всё это, — Орвин с размахом провёл рукой над столом, уставленным яствами, — дары от восхитительной пышнотелой красавицы. — Он облокотился на стол и добавил полушепотом: — Думаю, если задержимся ещё на пару часов, она предложит Айдену... отработать наш завтрак. Ай ты!..

На этот раз Орвин зашипел от пинка Айдена. Дух-хорёк тут же принял боевую стойку, усевшись на задние лапки. Его усы нервно подрагивали, выражая явное неодобрение поведению воина.

Дарайя сдержанно хмыкнула. Так вот почему хозяйка то и дело поглядывала в их сторону! Она сразу отметила этот настойчивый интерес. Дарайя полагала, что внимание Арлетты связано со вчерашней потасовкой, но оказалось, всё куда проще - всему виной Айден и его чарующее воздействие, которое он оказывает на большинство женщин. Это объясняло и тот факт, что их стол единственный в таверне был застелен скатертью. Старой, местами изъеденной молью, но вполне чистой.

— Нам пора выходить, — проговорил Айден. Тон его голоса не изменился, но Дарайя заподозрила, что Айден и правда слегка остерегался активного внимания со стороны хозяйки таверны. — Мика будет ждать нас к полудню.

Кассия, где путники заночевали на этот раз, была столицей того самого королевства Моридум, где когда-то стояла их деревня. Несмотря на то, что до их старой деревни от Кассии было не меньше трёх дней пути, Дарайя чувствовала: и её спутников, как и её саму, не отпускала тяжесть прошлого.

Вот почему они так стремились поскорее добраться до библиотеки Кассии. Там их ждал бывший сослуживец Айдена — тхерионец по имени Мика, служитель королевской библиотеки, чьим духом была сова. То, что делал тхерионец с совершенно не воинственным духом в гвардии короля Торины, оставалось загадкой даже для Айдена. Но они бок о бок прослужили десять лет, пока Мика не решил вернуться на родину и не вступил на службу, которая наконец соответствовала магии его духа.

Мика был одним из немногих, кому было известно, что именно ищут наши путники. Обнаружив новую зацепку, он немедленно связался с Айденом. Магия его духа-совы не только позволяла ему безошибочно отыскать любую книгу или нужный свиток в крупнейшей библиотеке континента, но и давала возможность передавать краткие сообщения на огромные расстояния. Правда, лишь тем, кого Мика знал лично, и всего в несколько слов.

Неудивительно, что едва правитель Моридума узнал об этом умении, он немедленно пригласил тхерионца к себе. Теперь Мика большую часть времени проводил не в тиши библиотечных залов, а при дворе, рядом с королём. Тот рассчитывал, что тхерионец будет знакомиться с нужными людьми — ведь так монарх получал возможность передавать сообщения в любую точку континента.

— Из-за прошлой *зацепки* Мики мы потратили два месяца в Ксараде, — недовольно проворчал Орвин, отодвигая пустую тарелку. — Может, хватит наступать на те же грабли?

— Во-первых, мы уже здесь, — Айден, как обычно, поднял сжатый кулак и начал разгибать пальцы, сопровождая каждый аргумент: — Было бы глупо даже не посмотреть, что он нашёл. Во-вторых, — щёлкнул второй палец, — других вариантов у нас сейчас всё равно нет.

Он замолчал, на мгновение задумавшись, и, видимо, счёл два довода исчерпывающими, разжал руку и отпил из кружки.

Дарайя, доедавшая свою яичницу и с интересом наблюдавшая за спором мужчин, вдруг замерла. Её брови поползли вверх, а следом за этим она стремительно сползла под стол, стараясь затеряться в тени. Девушка отчаянно надеялась, что потертая скатерть, мощные ноги Айдена и их дорожные мешки, громоздящиеся у лавки, скроют её от мужчины, который спускался по той же лестнице, что и она десять минут назад.

Тёмные мысли пронесли в голове: что, если он сделает вид, будто не знает её? А если подойдёт — сумеет ли она сохранить невозмутимость? Этот порыв был скорее импульсом, чем взвешенным решением.

— Ты что... — начал было Орвин, дёрнувшись от неожиданности и ударившись коленом о столешницу.

Но тут же он почувствовал острый укус в икру — это Дарайя изо всех сил ущипнула его за лодыжку.

— Тихо! — прошипела она снизу, полная решимости переждать угрозу.

Дарайя, затаив дыхание, прислушивалась к каждому звуку. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая даже собственные мысли. *Ну дура же. Дура. Что ты делаешь под этим столом?* Но заставить себя подняться она не могла. Тело будто приросло к полу, вцепилось пальцами в пыльные доски и не желало слушаться.

И дело было даже не в страхе. Дело было в том, что она увидела утром в зеркале, пока искала линзу. То же лицо, что и всегда — овальное, с резкими скулами, загорелой кожей, прямым носом с лёгкой горбинкой и вечно поджатыми губами. Ничего особенного. Ничего, что могло бы кому-то понравиться. А поверх всего этого — шрам через всю правую щёку и звериный глаз, который делал её не женщиной, а чудовищем.

Этот парень... он вчера был слишком пьян, чтобы заметить. А сегодня, если увидит — его перекосит от ужаса.

Единственное, что Дарайя в себе любила — волосы. Густая, непослушная копна, которая вечно лезла в лицо. У корней — тёмный шоколад с бордо, а к концам волосы вспыхивали яркой медью и цветом темной вишни. На солнце они переливались, как расплавленный металл, но сейчас, в полумраке таверны, были тёмными.

Сиди под столом, — приказала она себе. — *Не высовывайся.*

Шаг... еще шаг...

Может, пронесло? Может, он просто вышел, забыв про нее?

Сначала Дарайя почувствовала его запах.

Свежий, как цитрус, с прохладной нотой леса после дождя. Запах, от которого почему-то перехватило дыхание сильнее, чем от страха быть обнаруженной.

И тогда раздался голос.

Низкий, спокойный, похожий на отдаленный шум прибоя. В нём не было угрозы — только уверенность человека, который знает, что говорит, и знает, что его услышат.

— Не видели тут девушку с разными глазами? Такая... — парень на мгновение замялся, подбирая слова, — красивая с алыми волосами.

Дарайя замерла.

Он точно вчера был пьян...

Орвин лишь отрицательно покачал головой, делая вид, что внимательно разглядывает незнакомца. Слишком старательно, слишком наигранно — но кто в таверне обращает внимание на мальчишку с хорьком на плече? Айден же демонстративно не повернулся, будто вопрос был адресован не им. Только желваки на скулах чуть дрогнули.

Дарайя замерла, боясь даже дышать.

А потом сапоги сделали полшага вперёд, и незнакомец слегка наклонился — будто поправлял ремешок на сапоге.

И тихо, почти шепотом, но чётко, с интонацией, от которой по коже побежали мурашки, произнес:

— Тогда передайте этой золотоглазой, которую вы не видели, что придурка зовут Артур.

Сердце Дарайи гулко забилося, заглушая все звуки вокруг. В висках запульсировала кровь, щёки вспыхнули жаром, хотя она сама не понимала — от стыда, от злости или от чего-то ещё.

Не дожидаясь ответа, сапоги развернулись и направились к выходу из таверны.

Дарайя сидела под столом, прижимая ладонь к груди, и пыталась унять это дурацкое, никому не нужное сердцебиение.

Артур — стучало в голове.

И только когда дверь таверны хлопнула, закрываясь за ним, она позволила себе выдохнуть.

Сверху донеслось:

— Вылезай, принцесса. Угроза миновала. — Орвин был готов расхохотаться.

Дарайя вылезла из-под стола, отряхнула колени и села. Волосы растрепались ещё сильнее, щёки горели.

— Красивая, значит? — протянул Орвин, невинно хлопая ресницами. — А я и не знал, что у тебя... Ах ты... — Орвин вновь поморщился от боли — Да хватит уже!

ГЛАВА 2

Дарайя

Среди всех земель Антарса лишь Мальдракс наложил запрет на браки меж тхерионцами и людьми. Сие установление имеет целью удержать число носителей духов третьего и четвертого уровня от убыли. В прочих королевствах запрета нет, но и одобрения нет: союз тхерионца с человеком считается бесполезным для укрепления государства и не находит поддержки в народе.

Хроники Антарса, записанные летописцем Ордена Хранителей Родословий

Когда в брак вступают тхерионцы равного уровня, из каждых двух рожденных детей один наследует уровень родительский либо высший.

Когда союз заключают носители духов разного уровня, из каждых трех детей один унаследует уровень высшего родителя, а двое — низшего.

В браке тхерионца и человека из каждых четырех отпрысков один явит духа, а три родятся обычными людьми.

В роду, где все предки по восходящей линии были тхерионцами четвертого уровня, их потомки не только наследуют их силу, но и духи их являются куда могущественнее.

из закона о Наследования Крови и Духа

Когда путники вышли на улицу, город встретил их тёплыми лучами весеннего солнца, игравшими в лужах от ночного дождя. Дарайя глубже натянула капюшон своего серого плаща, превращая лицо в тёмный овал, и привычным жестом поправила пояс с парой изящных, но смертоносных кинжалов. Большие города вроде Кассии нравились ей именно этим — здесь её странная внешность терялась в толпе, не привлекая лишнего внимания.

Таверна располагалась на одной из шумных торговых площадей, и сейчас площадь кипела жизнью, как гигантский муравейник. Воздух гудел от голосов торговцев, звонких, как у зазывал, и приглушённого гула толпы. Пахло свежим хлебом, жареными каштанами, кожей и чуть уловимо — речной водой. На прилавках, под яркими навесами, пестрели товары со всего континента: груды фруктов, блестящая на солнце речная рыба, глиняная посуда, свёртки с ароматными травами и груды тканей всех цветов радуги.

Кассия слыла городом мудрецов, и её силуэт определяли не крепостные стены, а шпили многочисленных учебных заведений и знаменитая королевская библиотека — цель их сегоднешнего пути. Город лежал в устье великой реки Аркай, главной водной артерии Антарса. Начинаясь в ледниках Гримнора, она пересекала почти весь континент, чтобы успокоиться в долине озёр Рейлина. По её широкой, испещрённой баржами и плотами глади, в Кассию стекались богатства и знания со всех уголков земли.

Годы тренировок и врождённая наблюдательность позволяли Дарайе удерживать в поле зрения всю площадь — от ссорящихся за место кузнецов до старухи, торгующей связками сушёных трав.

Орвин, как и полагалось, был при оружии, но в отличие от Дарайи, предпочитал не кинжалы, а пару коротких мечей, скрытых в ножнах за спиной под плащом. Однажды, торопясь выхватить клинок, он с таким усердием рванул его, что безнадежно порвал добрую половину плаща. С тех пор он люто невзлюбил этот предмет гардероба, предпочитая ему практичные, хоть и не такие таящие оружие, дубленые куртки или длинные кафтаны. Но в городе, под широким, ниспадающим складками плащом, мечи оставались невидимы для любопытных глаз стражников, и потому приходилось мириться с неудобством.

Впрочем, Орвин и не скрывал, что вся их кочевая жизнь с её бесконечными дорогами и необходимостью владеть мечом — для него лишь вынужденная мера. В отличие от Дарайи, находившей в бою некое мрачное удовлетворение, он не питал особой любви ни к клинкам, ни к лукам, хоть и владел ими не хуже сестры. Перед каждым новым походом он с комичной серьезностью грозил, что сбежит и осядет где-нибудь в большом городе — обязательно с каменными стенами и таким гарнизоном тхерионцев, куда ни один уважающий себя монстр не сунется. Он их не боялся, но за свои недолгие двадцать лет считал, что имел с ними дел более чем достаточно.

Лошадей по договорённости с гостеприимной Арлеттой они оставили на заднем дворе таверны. Хозяйка, бросая на Айдена томные, многообещающие взгляды, заверила, что лично присмотрит за животными. А если путники решат задержаться ещё на одну ночь, то угостит их и ужином — причём совершенно бесплатно. Айден вежливо улыбнулся ей в ответ, в душе же взывая ко всем богам, чтобы они успели закончить дела до заката и смогли бы покинуть город без лишних осложнений.

Кассия карабкалась вверх от самого устья Аркая, раскинувшись по склону ярусами, будто гигантский амфитеатр, раскрытый для всех желающих постичь тайны города. Нижний ярус, у кромки воды, был царством доков, складов и шумных портовых таверн, откуда по крутым, зигзагообразным улочкам товары тащили вверх, в средний город. Там, на широких террасах, царили рынки и ремесленные кварталы, а воздух гудел от стука молотков и гула толпы.

А на самом верху, венчая город, парили верхние ярусы — цитадель знания. Там шпили академий взмывали в небо подобно заточенным перьям, а массивные купола библиотек отливали на солнце светлым песчаником. Узкие, извилистые улочки, мощенные булыжником, были похожи на коридоры гигантского храма наук. Фасады зданий украшала резьба с изображениями созвездий, математических формул и силуэтов легендарных существ. Даже воздух здесь был пропитан не дымом кузниц, а запахом старого пергамента, речной влаги и воска для полировки древних деревянных скамей.

Величайшей странностью Кассии для чужаков был тот факт, что у столь могущественного города не было ни замка, ни дворца в привычном понимании. Все жители королевства, включая их правителя, столь сильно поклонялись знанию и верили в его силу, что король добровольно упразднил свою отдельную резиденцию. И сейчас, вглядываясь в нагромождение шпилей и башен верхнего яруса, Дарайя с удивлением осознала, что это не метафора. Среди этого великолепия из песчаника и витражей не было ни одного здания, которое кричало бы о мирской власти. Дворец короля замаскировали под ещё одну библиотеку, где его личные покои соседствовали с залами редких манускриптов.

Тут и там по улицам можно было увидеть тхерионцев, чьи духи сливались с городским пейзажем, образуя живую ткань городского хозяйства. Мимо них, позвякивая медными деталями на ремнях, прошел тхерионец в форме с гербом Кассии. Рядом с ним семенил его дух-барсук, от которого исходило ровное, теплое свечение. Судя по тому, как он останавливался у каждого столба и, протянув руку, наполнял фонарь сгустком энергии, его магия позволяла освещать городские улицы с наступлением темноты.

— Интересно, сколько таких барсуков нужно, чтобы осветить всю Кассию? — задумчиво спросил Орвин, наблюдая, как фонарь под рукой тхерионца вспыхивает ровным матовым светом.

Но барсук был далеко не единственным духом, занятым работой.

Чуть поодаль, у стены здания, покрытой трещинами, тхерионец с духом-кротом сосредоточенно водил ладонью по старой кладке. Его дух, похожий на бархатистый комок тени, погружал лапы в камень, и стена буквально оживала: трещины затягивались, а выщербленные камни вставали на место, будто их лишь вчера уложили. Казалось, он не чинил стену, а уговаривал её вспомнить былую цельность.

На перекрёстке, где толпа была особенно многолюдной, невысокий тхерионец в синем капюшоне стоял, устремив взгляд куда-то вдаль. Рядом с ним парил, медленно взмахивая крыльями, его дух — чайка. От них обоих исходила едва видимая дымка, и там, где она касалась людей, та напряженная суeta, что царила вокруг, чуть ослабевала. Прохожие, сами того не замечая, сбавляли шаг, их разгорячённые лица немного расслаблялись. Они не успокаивали толпу, а скорее, как губка, впитывали её хаос, не давая ему перерасти в давку.

А с нависающего над улицей балкона на прохожих смотрел дух-сокол, сидевший на плече у статного тхерионца в дорогом плаще. Хищник неотрывно следил за толпой, и было ясно, что его хозяин не просто любит вид — он ищет. Ищет карманников, смутьянов или, может быть, кого-то совсем другого. Его магия была не в силе, а в пронзительном внимании, которое замечало каждую мелочь.

Спустя час путники добрались до королевской библиотеки, и она предстала перед ними воплощённой в камне оде знанию. У Дарайи гулко забилося сердце, едва они переступили порог. Она не могла похвастаться, что одолела множество фолиантов, да и в их вечных странствиях таскать с собой библиотеку было непрактично. Но одна, отнюдь не легкая книга, а то и две, всегда находили место в её дорожном мешке, как самая ценная поклажа.

Библиотеки она любила. Эту гулкую, насыщенную жизнью тишину, где каждый звук — шуршание переворачиваемой страницы, скрип пергамента, приглушенный шепот — был не нарушением покоя, а его частью, словно биение сердца этого огромного, дышащего знаниями существа. И даже надменные, величавые тхерионцы-библиотекари, с их вечным снисходительным прищуром, казались ей здесь не заносчивыми глупцами, а неотъемлемой частью этого священного действия. Здесь их высокомерие выглядело оправданным, почти благородным — ведь они были стражами чего-то куда большего, чем они сами.

Солнечный свет, проходя сквозь бесчисленные витражи высоких арочных окон, наполнял пространство, окрашивая его в изумрудные, сапфировые и золотистые тона. Пыль, кружащаяся в лучах, казалась не пылью, а золотым песком времени. Вместо тяжёлого запаха плесени, характерного для старых хранилищ, воздух был свеж и лёгок. Он пах древесиной, воском и едва уловимыми нотами высушенных трав.

Библиотека была живым организмом, и её пульс задавали тхерионцы и их духи, чьи способности были идеально приспособлены для служения знанию. Путники прошли вдоль по коридору, в одной из ниш они увидели тхерионца с духом паука. Его магия была невесомой словно тончайшие волокна магии. Он сращивал порванные страницы, укрепляя ветхие переплёты и возвращая чернилам угасшую яркость. Реставратор догадалась Дарайя.

Дарайя прошла дальше, и сквозь ряды арочных окон, лишённых стёкол, ей открылся внутренний двор библиотеки — просторный атриум под открытым небом. В его центре, образуя пёстрый кружок, сидели малыши лет пяти. В середине круга, подобная экзотическому цветку, восседала в развивающихся пурпурных одеяниях пожилая женщина. Она не была тхерионкой, но, видимо, это нисколько не мешало ей занимать почётное место в сердце библиотеки и в умах юных слушателей.

Подойдя ближе, Дарайя прислушалась к мелодичному голосу рассказчицы.

— Итак, кто знает, как давно появились тхерионцы в нашем мире?

— О-о-очень давно! — протянул один из малышей.

— Верно, — утвердительно кивнула женщина. Вся её манера держаться — плавные жесты, осанка, тёплый, уверенный взгляд — дышала той элегантною непринуждённостью, о которой Дарайя могла только мечтать.

— Если быть точнее, самым древним свиткам, дошедшим до наших дней, более девяти-сот лет. И в них уже есть записи о первых тхерионцах. В начале их было не так много, лишь единицы. Но постепенно, из поколения в поколение, их род разрастался. Тхерионцы расселялись от города к городу. И теперь, спустя века, они живут почти в каждом уголке нашего кон-

тинента. Они помогают обществу, защищают его. Их магия дарует свет и тепло нашим домам, творит чудеса, благодаря которым мы развиваемся и процветаем. А наши дети растут в безопасности, вдали от монстров, что бродят за стенами.

Малыши, завороченные певучим голосом и плавными движениями её рук, слушали, не шелохнувшись. И не только они. Дарайя, хоть и знала всё, о чём ведётся речь, не могла оторваться от этого живого, мелодичного повествования.

— А теперь скажите мне, какие уровни силы существуют среди тхерионцев?

Светловолосая девочка, немного опустив голову, неуверенно ответила:

— Мы знаем о четырёх уровнях. Первый уровень — самый слабый. Их ещё называют... Тени. - Девочка замолчала, будто испугавшись собственной прямоты.

— Так и есть, — мягко подтвердила женщина. — Но мы не называем тхерионцев первого уровня «теньями». Это может обидеть, а труд каждого очень важен. Духи воробушков, мышек, лягушат выполняют нужнейшую работу, даже если кому-то она кажется незначительной. Очистить пятно, найти потерянную вещь, подогреть воду — это блага, которые помогают нам каждый день.

— Но почему их всё-таки называют тени? — не унимался мальчик с краю.

— Потому что их духи никогда не материализуются в полной, физической форме, — терпеливо объяснила дама. — Даже проявляясь, они остаются призрачными, полупрозрачными.

— Тхерионцев со вторым уровнем силы мы называем ремесленниками, — продолжила она. — Чаше их духи являются в облике кошек, небольших собак, барсуков, фазанов. Они — ключевые помощники и двигатели прогресса. Благодаря их магии в городах есть свет и водоснабжение, а в замках работают сложные механизмы. Их духи уже более отчётливы, и при большом желании могут ненадолго стать плотными, почти осязаемыми.

— Следующий, третий уровень, — её голос зазвенел, будто колокольчик. — Это чаще всего целители, учёные, учителя, советники.

— Как вы? — спросил кто-то из детей.

Женщина тепло улыбнулась:

— Я не тхерионка, дитя моё. Я человек, но с не меньшей радостью работаю здесь и учу таких любознательных малышей, как вы. Так вот, духи третьего уровня могут воплощаться в журавлей, оленей, змей, черепах, мангустов. Они способны сохранять плотную, осязаемую форму гораздо дольше.

Рассказчица сделала многозначительную паузу, видя, как дети замирают в предвкушении.

— И, наконец, тхерионцы четвёртого уровня. На них лежит величайшая ответственность — они наш щит и меч, оберегающие нас от монстров за стенами. Большинство их духов — крупные хищники.

— Как генерал Сонум! — восторженно выкрикнул кто-то.

— Именно, — кивнула рассказчица. — Генерал Сонум и его дух-пума — сильнейший тхерионец королевства Моридум. Духи четвертого уровня силы могут обретать плоть на несколько часов и сражаться плечом к плечу со своими хозяевами. Такие тхерионцы встречаются реже всех, и их сила бесценна для безопасности королевства.

В этот момент к Дарайе сзади бесшумно подошёл Орвин, прислушался на секунду и тут же уловил её напряжение. Айдена рядом не было.

— А как же тхерионцы пятого уровня? — раздался очередной детский вопрос. — В Оридоне же есть дракон!

— Да, — с лёгкой, заученной улыбкой подтвердила рассказчица. — В Оридоне действительно есть уникальный тхерионец с духом-драконом, возглавляющий королевскую гвардию. Он сильнейший из известных, но он единственный в своём роде, поэтому для него не стали выделять отдельный уровень. А знаете, почему он так силен? — она окинула детей таинствен-

ным взглядом. — Для появления тхерионца четвёртого уровня его родители должны быть не ниже третьего уровня. Но чтобы он был по-настоящему могущественным, большинство его предков должны быть не ниже четвёртого уровня. Так вот, все предки этого тхерионца до десятого колена были как раз такой силы. У него есть сестра — тоже четвертого уровня, её дух — волк, и она вторая по силе в королевстве. Я слышала, что этот волк громадных размеров.

Дети слушали, затаив дыхание, и Дарайя была уверена, что каждый из них сейчас представлял себя летящим на драконе. Эта мысль заставила её горько усмехнуться.

— Но, когда тхерионцы узнают, какой у них будет дух? — прозвучал новый вопрос.

— В день своего двенадцатилетия, — голос женщины вновь стал мелодичным и плавным. — Именно тогда дух пробуждается, открывая свою сущность, магию и силу. И вид этого духа зависит не только от родителей, а от самого человека, от его личности. Зачастую тхерионцы бывают похожи на своих духов, если не внешне, то характером.

Дарайя непроизвольно сжала челюсти и кулаки. Ещё секунда — и водопад воспоминаний захлестнул бы её с головой, но тут Орвин крепко обнял её за плечи. За последний год он стал значительно выше, и теперь его защитный жест казался особенно естественным.

— Эй, Ди, хватит зависать, — тихо прошептал он на ухо. — Пойдём, я покажу тебе кое-что поинтереснее.

Хитрая улыбка брата вернула Дарайю в реальность. Поколебавшись лишь мгновение, она позволила ему увести себя вглубь бесконечных лабиринтов библиотеки, прочь от призраков прошлого.

В последней по коридору нише Дарайя замерла, поражённая. За стеклом огромного аквариума, в толще изумрудной воды, величественно восседал на глыбе тёмного камня гигантский спрут. Он был как минимум третьего уровня — от него не веяло призрачностью, а его щупальца, покрытые переливающимися узорами, казались совершенно осязаемыми, плотью и кровью. У края аквариума, в кресле с высокой, словно трон, спинкой, сидел пожилой тхерионец. Он неторопливо водил рукой по воздуху, а перед ним на трёх подставках сами собой раскрывались фолианты, и в каждом одновременно, будто невидимыми перьями, выводились ровные строки текста.

— Зачем ему аквариум? — тихо удивилась Дарайя, обращаясь к подошедшему Айдену. — Духам ведь не нужны специальные условия.

Вместо Айдена ответил приятный баритон позади них:

— Просто Элаис любит побаловать своего духа. И, признаться, ещё больше — побаловать собственное эго.

Дарайя и Айден резко обернулись. Перед ними стоял мужчина среднего роста с волосами цвета спелой пшеницы, ниспадавшими на плечи. Его глаза, цвета шоколада, светились искренней добротой, а на плече величественно восседала серая сова, чей пронзительный, полный мудрости взгляд был устремлён прямо на Дарайю.

— Здравствуй, друг, — с тёплой улыбкой произнёс мужчина.

— Здравствуй, Мика, — ответил Айден, и в его голосе впервые за долгое время прозвучало облегчение.

ГЛАВА 3

Дарайя

Моридум , Удел Мудрецов . Расположен в плодородных долинах в устье реки Аркай. Это королевство знаний и учёных, где библиотеки ценятся выше крепостей. Столица Кассия — средоточие мудрости всего континента, куда стекаются лучшие умы со всех земель Антарса. Хотя армия Моридума невелика, его влияние благодаря знаниям и дипломатии огромно.

Информация о сильнейшем тхерионце нашего времени: Генерал Сонум. Его дух — Пума четвёртого уровня, воплощение скорости и смертоносной точности. В отличие от других королевств, полагающихся на численность войск, Моридум делает ставку на искусство войны. Генерал Сонум — тот клинок, что способен одним ударом решить исход битвы и защитить сокровища знаний королевства.

"Хроники земель Антарса для обучения детей людей и тхерионцев младших возрастов "

Составлено магистром Ордена Летописцев Кассии

Книга первая: О королевствах южных

Кабинет Мики оказался именно таким, каким Дарайя его запомнила: высокие стеллажи, уставленные свитками и фолиантами. В воздухе витал терпкий аромат старого пергамента, кожи и сушёных трав. На массивном дубовом столе, заваленном бумагами, пристроилась его сова, внушительная и неподвижная, словно вырезанная из ночи. Лишь изредка она медленно мигала своими огромными, всевидящими глазами. Её очертания чуть колебались — дух попеременно то обретал плотную, почти осязаемую форму, то становился призрачным и невесомым. В такие мгновения свечение вокруг перьев вспыхивало ярче, наполняя угол комнаты таинственным сиянием. В углу, на отдельном столике, стоял сложный оптический прибор из линз и бронзовых дуг — видимо, для изучения древних текстов.

Дарайя залюбовалась красотой величественного духа, но внезапное движение отвлекло её. Дух Орвина, до этого лениво дремавший у него на плече, вдруг материализовался, быстрым, почти невидимым движением перескочил на стол и оказался рядом с совой. Хорёк поднялся на задние лапки, его нос задрожал, с любопытством вытягиваясь к огромной птице. Сова с невозмутимым видом повернула голову почти на полный оборот, уставившись на наглеца, а затем внезапно подняла могучую лапу и накрыла ею хорька, не причиняя вреда, но ясно давая понять, кто здесь главный. Тот на мгновение замер от неожиданности, затем с обиженным фырканьем испарился и тут же материализовался на плече у Орвина, свернувшись клубком и демонстративно отвернувшись. Сова, словно ничего и не произошло, вновь устала в пространство своим загадочным взглядом.

Дарайя сдержанно хмыкнула, наблюдая за всей сценой.

— Даже твой хорёк так и не уяснил, — тихо проговорила она, бросая взгляд на Орвина, — что любопытство — верный путь к неприятностям.

Уголки её губ дрогнули в лёгкой усмешке, но в глазах читалась тень изможденности. Этот эпизод с духами стал метафорой всей их жизни — вечное стремление к неизведанному, за которым следовали шипы и ожоги. Она и сама не раз обжигалась на собственном любопытстве, и сейчас, глядя на обиженного хорька, в её голосе прозвучала не столько насмешка, сколько понимание.

— Старое кресло короля куда удобнее, признаюсь, — с лёгкой усмешкой заметил Мика, разливая по кружкам густой травяной чай, пахнувший мёдом и полынью. — Но здесь, среди

этих стен, дышится иначе. Свободнее. При дворе, Айден, каждый твой вздох на счету. Каждое слово взвешивается на невидимых весах, а за спиной всегда чувствуешь взгляд. Король держит меня близко не из-за любви к мудрости, а потому что мой дар — удобный инструмент. Быстрая связь с любым уголком континента... это дорогого стоит. Порой мне кажется, я стал дорогим почтовым голубем, а не учёным.

Взгляд Айдена был серьезен, но в уголках губ пряталась улыбка. Он знал о любви своего старого друга к драматизации и о привычке растягивать паузу для большего эффекта. Но сейчас Айден не торопил его. Он давал Мике возможность выговориться, зная, что за этими театральными паузами всегда скрывается тщательно выверенная мысль. Поэтому Айден лишь слушал и понимающе кивал на рассказ своего старого друга.

Также Айден знал, что Мика непременно попросит рассказать, причем подробно об их безуспешной экспедиции в Ксарад. Взгляд Айдена на мгновение метнулся к Дарайе, чьё напряжение он чувствовал кожей, и мысленно он поблагодарил судьбу, что с ними был Орвин. Тот с невозмутимым видом отряхивал невидимую пылинку с рукава, но по едва уловимому блеску в его глазах было ясно — он уже смаковал в уме предстоящий рассказ. Благо, что парнишка всегда с большим удовольствием и неподражаемым красноречием брал бремя подобных повествований на себя, щедро сдабривая сухие факты драмой и собственными комментариями.

— Но я позвал тебя не для жалоб, старый друг, — Мика отставил свою кружку и пристально посмотрел на троицу. — Я нашёл нечто... выходящее за рамки привычного. Не ответ, но, возможно, нить, ведущую к нему.

Он бережно развернул на столе узкий кожаный футляр, потёртый на краях, и извлёк оттуда свиток. Пергамент был тёмным, почти чёрным от времени, потрёпанным, а его края крошились, словно осенние листья.

— Этому свитку больше тысячи лет, — голос Мики снизился до почтительного шёпота. Сова на столе повернула голову почти на сто восемьдесят градусов, уставившись на хрупкий предмет своим бездонным взглядом. — Он старше всего, что я когда-либо держал в руках. Его нашли разведчики королевства Рейлин, на самом севере, у границ Стеклянного Леса. Легенды гласят, что это место было проклято ещё до падения Древних Королевств. Храм был почти разрушен.

Орвин присвистнул, поражённый древностью свитка, а Дарайя невольно наклонилась ближе. Она сбросила капюшон сразу, едва переступив порог кабинета, — Мика принадлежал к тому редкому типу людей, кого её внешность не пугала, а притягивала. С невозмутимостью, свойственной тем, чья мудрость прошла сквозь годы и тысячи страниц, он воспринимал Дарайю не как чудовище, а как очередную, пусть и пугающую, загадку мироздания, которую считал своим долгом разгадать.

Мика посвятил немало недель, а затем и месяцев, изучению самых старинных свитков и фолиантов, что пылились в глубинах библиотек Кассии. Но тщетно. Он не нашёл ни единого описания, хоть отдалённо напоминающего случай Дарайи. Ни одного тхерионца, чьё тело пертерпело бы подобные физиологические изменения, и ни одного упоминания о том, чтобы дух в ком-либо так и не пробудился.

Именно это полное отсутствие аналогов и привело его к убеждённости, граничащей с одержимостью: разгадка лежит в таком далёком прошлом, что оно предшествовало всей известной им истории, описанной в свитках. Ответ был скрыт в эпохе, о которой сами летописи уже ничего не помнили.

— Гибриды, что напали на разведчиков, были... иными, — продолжил Мика, его пальцы нервно стучали по столу. — Четверо разведчиков не вернулись. Остальные еле унесли ноги, успев выхватить из-под обломков лишь этот свиток. Король Рейлина, не рискнув оставлять его у себя, отослал к нам, ибо наши библиотеки и мастера лучшие на континенте — последние слова Мика произнес, не скрывая гордости.

— Так что не так было с этими монстрами? — нетерпеливо перебил его Орвин, не в силах больше сдерживать любопытство.

— По рассказам разведчиков, на них были металлические пластины... — начал было Мика, но его прервал Айден.

— О чём ты говоришь? — Айден сдвинул брови, его взгляд выражал полное недоумение. — Ты хочешь сказать, что на тварях была броня? Настоящая броня?

Мика покачал головой.

— Не броня в нашем понимании. Судя по описаниям, это были не надетые доспехи, а скорее... — Мика порылся среди своих документов на столе. Он удовлетворенно хмыкнул, найдя нужный и прочитал, видимо отрывок из донесения об экспедиции — вросшие в плоть металлические пластины.

По спине Дарайи пробежал холодок. Никто точно не знал, откуда появляются гибриды и что за чудовищную шутку выдумала природа. Возможно, это было наказание, посланное богами за грехи предков, а возможно — древняя магия, вышедшая из-под контроля. И почему твари не заходили на территории с большим скоплением тхерионцев, тоже оставалось загадкой. Но металлические пластины... Это могло означать что...

— Монстров кто-то специально создаёт, — выговорила Дарайя, и в её голове снова нарастал гул. Он усиливался, перерастая в навязчивый шёпот, слова которого она не могла разобрать. Сстиснув зубы, она пыталась сосредоточиться на реальности, отодвинув боль прочь.

— Или их кто-то вылавливает и усиливает с помощью магии, — продолжил её мысль Айден, его лицо стало мрачным.

— Но кому это может быть нужно? — недоумевал Орвин. — Мы веками боремся с этими тварями! Даже их разум не поддаётся ментальным атакам тхерионцев. Разве не так, Мика?

— Всё верно, мой мальчик, — ответил Мика, утвердительно кивая. — Их сознание — сплошной хаос, чёрная дыра, в которой тонут любые попытки установить контакт.

— Если только... кто-то из правителей не нашёл способ использовать монстров для защиты своего королевства, — задумчиво проговорил Айден. — Но кто? Гримнор или Оридон?

— Это опасные мысли, мой друг, — предостёг его Мика, понизив голос. — Но совершенно точно я уверен, что мы ещё услышим об этом. Я рассказал вам про это, чтобы вы были более бдительны, когда отправитесь в Стекланный лес.

— Что в свитке, Мика? — вырвалось у Дарайи, голос её прозвучал хрипло. Гул в голове не утихал, но мысли о находке учёного не давали потерять нить разговора. Её золотой глаз пристально смотрел на пергамент, будто пытаясь силой воли вырвать у него тайну.

— Ничего, что дало бы нам прямые ответы о тебе, дитя, — честно ответил Мика с неподдельным сожалением. — Это отрывки из ритуалов, имена божеств, чьи имена ветер стёр даже из памяти камней... прах истории. Но я позвал вас, чтобы рассказать о самом месте. О тех руинах. Если все известные нам источники упираются в девятьсот лет и молчат о том, что было раньше, словно кто-то намеренно вырвал страницы... возможно, ответы стоит искать там, где время не смогло стереть всё до конца.

В кабинете повисло тяжёлое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием углей в камине. Надежда, которая теплилась в Дарайе, угасла, как тот самый уголёк. Она сама не знала, чего ждала от найденного свитка, но находить в себе силы для каждого нового похода, в котором её родные каждый раз подвергали себя опасности ради неё, становилось всё тяжелее.

Дарайя откинулась на спинку стула, пальцы машинально подбросили короткий кинжал, поймали за острие, снова подбросили. Щелчок. Щелчок. Щелчок. Единственный звук, выдававший, что внутри неё всё кипит.

— Десять дней пути на север, как минимум, — голос прозвучал устало, почти безжизненно. — Прямоком в Стекланный лес. Это не прогулка, Мика. — Она поймала кинжал и

замерла, сжимая рукоять так, что пальцы побелели. — И ради чего? Ради намёка? Ради призрачного «может быть»?

Она скептически покачала головой, глядя куда-то в стену, мимо всех.

— Мы уже ходили за таким же «может быть» в Ксараде.

— Ди... — Орвин удивлённо взглянул на неё, в глазах мелькнула тревога. — Если ты из-за того, что я утром сказал про то, что больше не хочу с вами? Я же не серьёзно, это просто...

— Нет, Орвин, послушай. — Она перебила его мягко, без привычной дерзости. — Это длится одиннадцать лет. С меня хватит.

Дарайя отложила кинжал. Пальцы сомкнулись на краю стола, будто искали опору в дереве, потому что внутри опоры не было.

— Я больше не могу смотреть, как вы рискуете жизнями из-за меня. — Голос дрогнул, но она заставила себя продолжать. — Айден... ты отдал мне всё. Свою жизнь, свой покой. Орвин, ты рос в постоянных скитаниях, когда мог бы иметь дом. Нормальный дом. С кроватью, которая не пахнет чужим потом.

Она перевела дыхание.

— Если я прожила с этим... с этой штукой внутри — одиннадцать лет, значит, есть шанс, что проживу и дальше. Может, пора научиться жить?

Айден слушал молча. Сначала невозмутимо, потом желваки на скулах начали играть. Когда Дарайя замолчала, он резко провёл ладонью по волосам — жест, который она знала с детства. Он всегда так делал, когда с трудом сдерживался, чтобы не наговорить лишнего.

— И с чем именно ты собралась жить, Ди?

Голос прозвучал жёстко, почти сердито. Он шагнул вперёд, и свет упал на его лицо, высветив усталые складки у рта.

— С этой штукой в голове? И когда она тебя убьёт?

Ещё шаг. Теперь он стоял прямо напротив, глядя сверху вниз.

— Дарайя, ты и Орвин — всё, что у меня есть. Всё, что осталось. И если ты думаешь, что я буду безучастно сидеть и смотреть, как ты медленно сходишь с ума, погружаясь в эту тьму... — Он сжал кулаки. — То ты ошибаешься. Я не собираюсь терять больше никого.

— Да, поэтому давай отправимся в Стекланный лес. — Её голос сочился ядом. — Отличный план, Айден. Великолепный способ сохранить семью.

— Нет! — Он рубанул воздух ладонью, и его раздражение наконец прорвалось наружу. — Отличный план — это выкинуть на свалку одиннадцать лет. Одиннадцать лет, Дарайя! Мы шли к этому. Ради того, чтобы ты сейчас сказала «с меня хватит»?

Он резко встал, стул с грохотом отъехал назад, ударившись о стену.

Дарайя смотрела на него, и внутри неё боролись два чувства — желание закричать и желание провалиться сквозь землю. Она заставила себя выдохнуть. Медленно. Ещё медленнее.

— Айден, — теперь она говорила тише, почти равнодушно. — Больше всего на свете я мечтаю избавиться от того, что сидит внутри меня. Ты знаешь. Я мечтаю жить в нашем доме. Просто жить. Без гибридов, без сражений, без этих дурацких поисков по всему континенту.

Дарайя подняла на него глаза.

— Но пора остановиться. Хватит, Айден. Я больше не хочу.

Он смотрел на неё долго. Так долго, что Орвин за соседним столом перестал дышать. А потом Айден шагнул ближе и опустил на корточки перед ней — так, чтобы оказаться на одном уровне.

— Мы не останавливаемся сейчас, Дарайя. — Тихо. Твёрдо. — Не тогда, когда у нас наконец появился настоящий след.

Он помолчал, глядя ей прямо в глаза.

— Я тебе обещаю. Это в последний раз. Если там ничего нет — мы остановимся. Вернёмся домой и будь что будет. Идёт?

Их глаза встретились. В его — сталь. В её — сомнения и такая глубокая, выжженная усталость, что словами не передать.

Дарайя нехотя кивнула.

Айден мысленно выдохнул. Он не мог остановиться сейчас. Не тогда, когда у него ещё есть шанс спасти хотя бы Дарайю.

11 лет назад

В их деревне носителей духа четвёртого уровня не было вовсе. Лишь трое тхерионцев третьего уровня — родители Орвина и Дарайи. Да один бывший воин и всего лишь человек — Айден.

Ремесленники и Тени не в счет.

В тот день готовились к большому празднику. Это был день, когда Дарайе исполнилось двенадцать. А значит, должен был пробудиться её дух, и она стала бы полноценной тхерионкой. Учитывая, что оба её родителя были носителями духа третьего уровня, все надеялись на чудо — что в девочке проснётся боевой дух четвёртого уровня, способный по-настоящему защищать деревню.

«Вот бы это был леопард!»

«Да нет, лучше ястреб! Он ещё издалека сможет увидеть опасность!»

«А может, дракон? Я слышал, несколько лет назад в Оридоне появился тхерионец с драконом!»

«Дурак, ты слишком взрослый, чтобы верить в такие сказки!»

Дарайя повсюду слышала эти разговоры. Сама в них не участвовала. Суета и ожидания нервировали её, и втайне она надеялась, что никакого боевого духа в ней не проснётся. Её бы вполне устроил тихий, мирный дух, который позволил бы вести спокойную жизнь и помогать односельчанам менее кровавыми способами. Чем ближе было двенадцатилетие, тем задумчивее и замкнутее становилась девочка.

С утра Айден забрал девятилетнего Орвина, и они отправились порыбачить. Лишь это и спасло их. Когда они причалили к берегу, шум волн заглушал все звуки. Перевернув лодку и приблизившись к деревне, Айден скорее почувствовал, чем услышал — тишину. Не ту, что рождается от покоя, а густую, звенящую, вытоптанную пустоту. Он засунул Орвина под лодку, наказав не выходить, пока он не вернется за ним и бросился вперед.

Добравшись до края деревни, он не поверил своим глазам.

Воздух здесь был другим — густым, тяжёлым, с привкусом железа и чего-то сладковатого, тошнотворного. Айден знал этот запах. Кровь.

Повсюду лежали тела. Точнее, то, что от них осталось. Клочья плоти, разбросанные конечности. Нога в изодранной штанине у крыльца. Рука, всё ещё сжимающая детскую игрушку, отдельно от тела. Кишки, волочащиеся по пыли, будто кто-то тащил их за собой, пытаясь уползти. Кое-где ещё кричали умирающие, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять — помочь уже никому нельзя. Этим людям можно было только позавидовать — те, кто уже не кричал, хотя бы не чувствовали боли.

Айден шёл дальше, стараясь не вглядываться в знакомые лица, боясь сойти с ума. Ноги двигались сами. Он не помнил, как перешагивал через тела, как обходил лужи крови. Он знал — Лианы среди них нет. Чувствовал это нутром.

В глубине деревни он увидел их. Четыре громадных, мерзких скорпионообразных медведя. Сначала ему показалось, что они живые — слишком чудовищными были эти туши, чтобы смерть могла их взять. Но они не двигались. Застыли, как статуи.

Это были раздувшиеся до нелепых размеров туши, чьи бока разрывало что-то твёрдое и блестящее, словно чёрный обсидиан. Из спинных хребтов чудовищ торчали, издавая противный хруст, сегментированные конечности, будто паразиты, выросшие до чудовищных разме-

ров. Их собственные лапы были уродливо перекошены, а вместо когтей — острые, блестящие чёрные клешни, с глухим стуком ударявшиеся друг о друга.

Вместо зада из тел гибридов вырывались длинные, сегментированные хвосты скорпиона, дугой закинута над спиной. На кончиках, сочась едкой желтоватой слизи, пульсировали жала размером с кавалерийскую пику. Они медленно покачивались из стороны в сторону, выискивая цель.

Но монстры не нападали. Они замерли.

Айден подошёл ближе и от увиденного рухнул на колени. Ноги перестали держать. Он даже не почувствовал, как камни врезались в кожу.

Прямо перед чудовищами лежали три тела. Родители Дарайи и его Лиана.

Они были мертвы. Он знал это ещё до того, как увидел. Знал по тому, как лежала её рука — неестественно вывернутая, безвольная. Лиана никогда не лежала так. Даже во сне она всегда сворачивалась калачиком, поджимала ладони под щеку. А эта рука... эта рука была куском мяса.

Животы — вспороты. Так аккуратно, будто кто-то специально хотел посмотреть, что внутри. Будто резали по линейке. Голова отца Дарайи лежала в стороне, а из тела всё ещё хлестала алая дуга. Сколько же крови в человеке?

Нога Лианы дёрнулась.

Сердце Айдена гулко отозвалось надеждой — дикой, иррациональной, выжигающей лёгкие. Он рванул к ней, уже раскрывая рот, чтобы позвать, чтобы схватить, чтобы вытащить из этого кошмара...

И замер.

Это была лишь посмертная судорога. Тело дёрнулось и обмякло окончательно. Навсегда.

Айден смотрел на её лицо. Оно было целым. У всех остальных лиц не было — одни кровавые месива. А у Лианы лицо осталось. Красивое. Умиротворенное. Мёртвое.

Он не заплакал. Слез не было. Была только пустота — такая огромная, что в неё можно было упасть и падать вечно.

Только тогда мужчина поднял взгляд на монстров. Они застыли, будто обращённые в камень неведомой силой. И, к изумлению, Айдена, были мертвы. Мертвы по-настоящему.

Вглядевшись сквозь туман слёз, он увидел золотистое свечение, обволакивающее тварей. Оно не парило в воздухе, но было близко к тому — тонкое, прозрачное, будто паутина из чистого света. Эта паутина держала чудовищ, сжимала их, душила.

Монстры были залиты кровью, но следов ран на них Айден не нашёл — кровь была не их. Человеческая. Их жертв. Айден это знал. Кровь тварей была чёрной. Густой, как смола. Он видел такую однажды, в бою с одним из гибридов.

Он проследил, откуда исходил свет, и взгляд его наткнулся на Дарайю.

Она стояла неподалёку от тела матери. Маленькая. Хрупкая. Босая. Ноги в крови, в грязи, в ошмётках того, что ещё час назад было её соседями.

Правая рука до локтя была приподнята, а пальцы подрагивали, будто тончайшими, едва заметными движениями вытягивая из ничего это убийственное свечение. Она дирижировала смертью. Маленькими пальчиками, которые ещё вчера заплетали косы куклам.

Айден поднял взгляд от её руки к лицу.

Вся правая сторона была изуродована глубокой раной и залита струившейся по подбородку кровью. Видимо, один из уродов успел полоснуть её по лицу. Рана была страшной — от верхней части лба до самого подбородка, глубокая, рваная. Чудо, что глаз уцелел.

Но самое жуткое был её правый глаз.

Он светился ровным, безжизненным золотым светом. Не как живой глаз — как фонарь, как уголь, как что-то, чему не место в человеческом лице.

Взгляд девочки был отрешённым, голова склонена набок. Она смотрела чуть выше своей дёргающейся кисти, а её губы медленно и беззвучно шептали что-то. Шептали на языке, которого Айден никогда не слышал. Гортанном, древнем, чужом.

И тогда её рука резко дёрнулась вниз, будто она перерезала невидимые нити.

Щёлк.

Монстры рухнули на землю. Не с грохотом массивных туш, а с тихим, тошнотворным шлепком, словно в их телах не осталось ни единой кости — лишь тяжёлая, безвольная плоть. Четыре груды гниющего мяса, которые ещё минуту назад сами были орудиями смерти.

Твари осели в бесформенные груды, и только тогда золотистое свечение погасло. Вместе с ним погас и свет в глазу Дарайи, но сам глаз остался золотым. И на Айдена смотрел уже не человеческий, а вертикальный зрачок.

Айден осознал, что рот Дарайи искривлён в зловещую полуулыбку. Только половина рта. Правая половина. Та, что со стороны раны и золотого глаза. Левая — застыла в гримасе боли и страха. Будто два разных существа боролись за одно лицо.

Будто половину девочки поглотила чужая сущность — та самая, чьих сил хватило, чтобы одним мановением умертвить четырёх чудовищ, вырезавших всю деревню.

Айден стоял над ней, смотрел на эту полуулыбку — и впервые в жизни испытал ужас, который мешал дышать.

На то, чтобы вывести Дарайю из того состояния, у Айдена ушло не меньше часа. Он не помнил, что говорил. Кажется, повторял её имя. Снова и снова.

И ещё несколько часов — чтобы унять её безутешный, пробивающий до дрожи крик. Крик, от которого у него самого разрывалось сердце. Крик ребёнка, который только что убил четырёх чудовищ и не понимал, как он это сделал. Крик девочки, которая видела смерть всей своей семьи.

Она кричала, пока не охрипла. Пока не сорвала голос. Пока не уснула прямо у него на руках — от истощения, от боли, от того, что организм не выдержал.

Айден сидел в этом аду, прижимая к себе спящую девочку, и смотрел на пепелище, которое ещё утром было его домом. Смотрел на груды мяса, которые ещё час назад были чудовищами. Смотрел на руины всего, что он любил.

ГЛАВА 4

Дарайя

За проявленную в бою доблесть тхерионец четвёртого уровня может быть удостоен чести носить имя, прославляющее его подвиг. Так, Бьерн, защитивший перевал от полчищ гибридов ценой потери половины своего отряда, получил имя «Ледяное Сердце» и был освобождён от дальнейшей службы с сохранением всех привилегий. Ныне, по достижении семидесяти зим, он остаётся живой легендой Гримнора, но силы его уже не те.

**«Хроники северных земель»,
записанные летописцем
Ордена Хранителей Родословий**

Проговорив с Микой ещё около трех часов, путники отправились в обратную дорогу. Несмотря на надвигающийся вечер, было решено не оставаться в таверне, а отправляться на север в ночь.

Выйдя из прохладной тиши библиотеки на шумные улицы Кассии, они оказались в другом мире. Солнце клонилось к закату, окрашивая песчаник зданий в золото и пурпур. Город жил своей жизнью, кипучей и беззаботной, не подозревая о буре, бушующей в душах трёх путников.

— Собираем припасы, — скомандовал Айден, окидывая взглядом площадь. Его голос вновь был ровным и твёрдым, маскируя недавнюю вспышку. — Встречаемся в таверне через два часа. Орвин, сходи к конюхам, проверь подковы и купи мазь для копыт. Дарайя... — Он посмотрел на неё, и в его глазах читалось всё то же старое, непроходящее беспокойство. — Купи провизии, но не привлекай внимания. Никаких драк и будь осторожна.

— Ах, нет, Айден, не беспокойся за меня, — скорее пропел, чем проговорил Орвин, приложив руку к груди. — Зачем беспокоиться о молодом, красивом, свободном тхерионце в громадном городе соблазнов и развлечений?

— Орвин, если мне опять придётся тебя искать в публичном доме, я вытащу тебя и твоего хоряка оттуда за уши, вне зависимости от того, будут на тебе штаны в этот момент или нет. — Дарайя склонила голову набок и сложила руки на груди.

— Любой дом, в который я зайду, может стать публичным. Попробуй, найди!

Все трое понимали, что ни в какой публичный дом Орвин не пойдёт, по крайней мере не сегодня, но были благодарны ему за попытку снизить градус напряжения. После долгих споров было принято решение идти, но Дарайя точно внутри себя решила, что это их последняя попытка.

Они разделились. Дарайя, натянув капюшон поглубже, затерялась в толпе на главной торговой улице. Её взгляд скользил по прилавкам, уставленным вяленным мясом, сырами и сушёными фруктами. Она механически торговалась с хмурым торговцем за мешок орехов и вяленой оленины, чувствуя, как привычная городская суета на время приглушает гул в голове.

Ее семья... ее брат, ее наставник... Орвин и Айден, как много они уже отдали ради нее. И как много еще потребуется, чтобы наконец добраться до сути. Тот случай в их деревне, когда проснувшаяся в Дарайе сущность убила четырех монстров был не единственным. Каждый раз, когда друзья сталкивались с тварями в своих путешествиях и когда им угрожала опасность, внутри Дарайи снова просыпалось это. И вроде бы зачем было так переживать, ведь эта сущность внутри нее их не раз спасала, но после каждого такого пробуждения, Дарайя чувствовала, что в ней все меньше остается от нее самой. Вчера она не смогла вспомнить имя старика-погонщика, который спас их в песках Ксарада, напоив последней водой из своего бурдюка. Хассан.

Его звали Хассан. Она видела перед собой его лицо, иссечённое морщинами, но имя провалилось в рытвину памяти, будто его кто-то выжег. И не только его имя, но и имена всей его семьи. Хотя они провели вместе не меньше недели. Все навязчивее становились сны, все сильнее шепот в голове. И ее не оставлял вопрос, что произойдет, когда это поглотит ее полностью?

Все, хватит! Дарайя отогнала от себя все эти мысли волевым усилием. Они ничем ей сейчас не помогали, превращаясь в нытьё и самокопание. Дарайю раздражали нытики, и каждый раз, ловя себя на подобных мыслях, она злилась ещё больше — в первую очередь на саму себя. Жалость, особенно направленная внутрь, была роскошью, которую кочующие охотники за ответами не могли себе позволить. Гораздо полезнее было сосредоточиться на том, чтобы не попасться страже и купить провизии, пока не стемнело окончательно.

Она уже почти поверила, что всё обойдётся, как вдруг её взгляд, привыкший отслеживать малейшее движение, поймал подозрительное внимание к себе.

В конце улицы, у фонтана с резными каменными тритонами, стояли те самые двое из таверны — те, что вчера проявляли чрезмерное любопытство к внешности Дарайи. У одного под глазом красовался синюшный фингал, рука второго была перемотана и жёстко зафиксирована у груди. С перекошенными от злобы лицами они тыкали пальцами в её сторону. До Дарайи долетали обрывки фраз: «...она не человек...», «...этот глаз...», «...как она вообще с нами справилась...»

Дарайя мысленно зло ухмыльнулась. Конечно, куда легче поверить, что двух рослых мужчин побил какой-то монстр в обличье девушки, чем признать простую правду: подготовка этой девушки оказалась куда лучше их боевых навыков.

Рядом с озлобленными мужчинами стояли пятеро городских стражников в начищенных до блеска латах, с алебардами на плечах. Видимо, один из них был тхерионцем — у его ног на мгновение замерцало что-то небольшое и рыжее. Лисица? Некогда было гадать. Самое время вспомнить их с Орвином изнурительные тренировки, когда Айден заставлял их наперегонки бежать по скользким речным камням, где каждое неверное движение грозило не только холодной ванной, но и выбитыми зубами.

Их взгляды встретились. В глазах стражников не было вопросов — лишь решимость.

— Вот она! Держи её! — прорезал воздух чей-то хриплый крик.

Ледяная волна адреналина ударила в виски. Мысли отступили, уступив место мышечной памяти. Дарайя, резко развернувшись на пятке, послала точный боковой удар ногой в одну из опорных балок, подпиравших навес соседнего торгового лотка. Хрустнувшее дерево вызвало цепную реакцию. Пустой прилавок с грохотом накренился, а с крыши, уставленной ящиками спелых апельсинов, на мостовую обрушился яркий, липкий хаос. Грохот, крики и покотившиеся во все стороны фрукты на мгновение перекрыли улицу, даровав ей драгоценную фору.

Вместо того чтобы бежать по земле, она прыжком взобралась на низкий навес лавки гончара, ощущая, как под ногами прогибаются тонкие доски. Не замедляя темпа, оттолкнулась для следующего прыжка — на шаткие строительные леса у фасада богатого дома. Дерево трещало и скрипело под её весом, но она уже была на другом конце, оттолкнулась и, сделав в воздухе короткий кувырок для гашения инерции, мягко приземлилась в узком переулке, заваленном пустыми ящиками. Со стороны площади её уже настигал тяжёлый топот, лязг доспехов и хриплые крики стражи.

— Стой! Приказ городской стражи!

Она и не думала останавливаться. Переулок вывел её на оживлённую мостовую, запряжённую повозками. Дарайя скользнула между лошадьми, как тень, чувствуя, как ветер бьёт в лицо и треплет полы плаща. *Кажется, оторвалась...* — мелькнула мысль, когда она обернулась. Преследователи были метрах в пятидесяти, не меньше.

И в этот момент один из них — тот самый тхерионец с лисой — попросту испарился.

Повернув голову, Дарайя увидела его прямо перед собой. *Перемещение... Вот тебе и лисица. А я-то думала, все лисы — следопыты.*

Стражник попытался перехватить её, выставив вперёд древко алебарды. Она не сбавила скорости. В последний момент Дарайя присела, проскользнув под древком, и, резко выпрямившись, нанесла удар локтем снизу-вверх прямо в подбородок. Еще мгновение и её нога встретила его грудную пластину с силой, отточенной в сотнях спаррингов. Стражник, пошатнувшись, отлетел назад, сшибая с ног подросшего напарника. Оба грохнулись на булыжник с тяжёлым, мелодичным лязгом.

Тут лиса тебе не поможет, дружок, — мелькнула ядовитая мысль. Но на злорадство не было времени.

Она могла бы добить их. Вырвать алебарду, оглушить... Но лишние проблемы, а тем более смертельные стычки со стражей были ей не нужны. Её целью было исчезнуть.

Но их было пятеро. Двое оставались на ногах, а ещё один, самый быстрый, уже заходил с фланга. Дарайя рванула в арку, ведущую в лабиринт узких проходов. Поворот, еще поворот и вместо спасения она оказалась в каменном мешке — высокие стены, без прохода. В метрах пятнадцати над Дарайей проглядывалось слуховое окно. В углу тупика кто-то набросал пустых ящиков и над ними еле виднелась старая, полуразрушенная металлическая решётка стока, идущая вертикально вверх.

Именно тогда один из стражников метнул в неё короткое копьё. Она успела увернуться, и наконечник, звеня, отскочил от камня в сантиметре от её головы. Рывок в сторону отбросил её к груде пустых деревянных ящиков, громоздившихся в углу тупика. Без единой секунды на раздумья Дарайя запрыгнула на шаткую конструкцию. Древесина затрещала под ногами, но выдержала. Прыжок и она уже схватилась за нижний край решётки. Решетка, как и думала Дарайя была намертво запаяна в стенки очистного туннеля. Видимо им давно не пользовались, но попасть внутрь не было никакой возможности. Путь был только один — вверх. Кладка над решеткой была уже не такой гладкой, тут и там виднелись трещины и выступы. Этого было достаточно. Дарайя мысленно благодарила богов за цирковое детство Айдена.

Её тело работало с точностью механизма: пальцы находили малейшие выступы, ноги отталкивались от едва заметных уступов в камне. Она не лезла — она практически бежала по вертикальной стене. Ошеломление стражников дало ей еще несколько драгоценных секунд, прежде чем они пришли в себя.

Раздался уже знакомый запыхавшийся крик одного из покалеченных вчера мужчин, видимо он только добежал:

— Я же говорил, она не человек!

Снизу донёсся крик: «Живой брат! В ноги!» В её сторону полетели тупые метательные болы, обёрнутые тканью, и несколько ножей, чтобы остановить. Один из болов обвился вокруг её голени, едва не сбросив Дарайю вниз. Она успела перерубить верёвку клинком, и в тот же миг лезвие ножа чиркнуло по её предплечью, обжигая болью. Они не хотели её смерти. Они хотели её поймать.

Адреналин заставил кровь петь в жилах, но вместе с ним пришло и другое, чужеродное чувство — щемящий холодок в груди, нарастающий гул в ушах. Правая рука, сжимавшая выступ, вспыхнула тусклым золотистым светом. Сгустившиеся сумерки делали этот свет ярче. Камень под её пальцами начал превращаться в песок. До окна оставалось не больше полуметра, всего один рывок — и она была бы спасена, но рука на крошащемся камне начала соскальзывать...

Нет, только не сейчас, — пронеслось в голове с леденящим ужасом. — *Если я упаду с этой высоты, оно проснётся. Оно не даст мне разбиться... и тогда...*

Мысль о том, что может случиться дальше, была страшнее падения.

Именно в этот миг из тени слухового окна над ней протянулась рука.

— Дёргайся быстрее, катастрофа, — раздался знакомый голос, и сильные пальцы обхватили её запястье.

Рывок был таким резким, что Дарайя едва не вылетела из собственной кожи. Она перемахнула через подоконник и рухнула внутрь, больно ударившись коленом о дощатый пол. Несколько секунд она лежала, вцепившись пальцами в трухлявые доски, пытаясь заставить лёгкие работать. В груди жгло, будто она выпила кипятка. Плечо, которым она приложилась о стену при прыжке, отозвалось тупой, ноющей болью.

Она оказалась в тесном пространстве чердака. Пахло пылью, сухой травой и ещё чем-то древесным, старым.

Рядом стоял Артур.

Дарайя подняла голову и встретила с ним взглядом. Он смотрел не на неё — на её руку. На запястье, где золотистое свечение медленно угасало, оставляя на коже лёгкий дымчатый след. Будто она только что прикоснулась к раскалённому металлу. Кожа ещё хранила тепло — странное, чужое, не её.

Она проследила за его взглядом и отдернула руку. Спрятала под плащ, но поздно. Он уже увидел.

— Похоже, у незнакомцев бывает куда больше тайн, чем кажется на первый взгляд, — тихо произнёс он.

Голос звучал ровно. Ни страха, ни брезгливости — только лёгкое удивление, будто он рассматривал диковинную безделушку на ярмарке.

— Но я обещал не спрашивать.

Дарайя смотрела на него снизу-вверх и не могла понять, что чувствует. Облегчение? Недоверие? Странное, щемящее тепло в груди, которое не имело отношения к магии? Снизу доносились крики и ругань стражников, которые уже не могли её достать.

— Ты... Как ты... — она попыталась встать, но нога подломилась — подвернутая лодыжка дала о себе знать острой болью. Дарайя зашипела сквозь зубы, опираясь на пол. Колено, которым она приложилась, саднило, а по предплечью, туда, где чиркнул нож, растекалось липкое тепло.

— Им потребуется время, чтобы найти обход, — в его голосе чувствовалась уверенность. — Только если тхерионец с лисой ещё не очнулся. На том конце чердака есть ещё одно окно. Судя по тому, что я сейчас видел, удрать отсюда по крышам тебе не составит труда.

Он шагнул к ней, не церемонясь схватил за руку и рывком поставил на ноги.

Дарайя, чтобы не потерять равновесие, упёрлась ладонями ему в грудь.

И замерла.

Его грудь была твёрдой, горячей — даже сквозь ткань рубашки чувствовалось, как под ладонями бьётся сердце. Ровно, сильно. Совсем не так, как у неё.

А потом она вдохнула.

Тот самый запах. Лес после дождя. Свежесть, которая не вязалась с пыльным чердаком, с кровью на её руках, с криками внизу. Запах, от которого в груди снова шевельнулось то самое странное тепло.

Она подняла глаза.

Он смотрел на неё в упор. В полумраке чердака его глаза казались почти чёрными.

На щеке, возле самой скулы, она заметила тонкий белый шрам — почти не видный, если не вглядываться. Не уродливый, нет. Тот, что делает лицо... настоящим.

Он не отводил взгляд. Не смотрел на её шрам. На её глаз. Смотрел в глаза — в оба сразу, будто не видел разницы.

Первым порывом было отвернуться. Спрятаться. Нырнуть обратно под стол, как тогда, в таверне. Но в его лице не было отвращения. Ни капли.

Она замерла.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила она.

Артур усмехнулся.

— А кто сказал, что я помогаю тебе? — он чуть склонил голову набок. — Может, я мешаю им.

Голос его звучал легко, почти небрежно. Но в этой небрежности чувствовалась сила — та, что не нуждается в доказательствах. Он не боялся. Ни стражников, ни тхерионцев внизу, ни её. Ничего.

Дарайя открыла рот, чтобы ответить что-то язвительное, но он уже скользнул в тень.

Артур шагнул назад, и тьма поглотила его. Бесшумно. Без следа. Только доски чуть скрипнули под ногами — и стихли.

Она осталась одна.

С колотящимся сердцем. С ноющей лодыжкой. С кровью, всё ещё сочащейся из пореза и капающей на пыльный пол.

Дарайя потрянула головой, прогоняя наваждение. Подошла к окну. Крики внизу стихали — стражники либо потеряли след, либо готовились к осаде.

У неё было всего несколько минут.

Она уже занесла ногу на подоконник, но в последний момент обернулась.

Туда, где исчез Артур.

Там было пусто.

ГЛАВА 5

Елена

Оридон, Стальной Хребет: Величайшее из королевств, раскинувшееся в сердце континента. Не имея выхода к морю, Оридон обратил всю свою мощь на сухопутные силы. Граничит оно со многими землями, и потому жизнь здесь подчинена законам войны. Дворцы здесь заменены крепостями, а города больше похожи на военные лагеря. Армия Оридона — самая многочисленная и дисциплинированная в Антарсе, а её воины с детства обучаются ратному делу.

Информация о сильнейшем тхерионце нашего времени: Главный Хранитель Нейт Солар. Его дух — Дракон четвёртого уровня, единственный в своём роде на всём великом континенте Антарс. Когда тень его крыльев ложится на поле боя, противник обращается в бегство. Сила Нейта и его дракона — главный залог неприкосновенности границ Оридона и причина, по которой ни одно королевство не решается бросить ему вызов в открытом противостоянии. Своей мощью дух дракона способен не только спалить любого противника на своем пути, но и поглотить магию любого порядка.

"Хроники земель Антарса для обучения детей людей и тхерионцев младших возрастов"

Составлено магистром Ордена Летописцев Кассии

Книга пятая: О королевствах центральных

Столицу королевства Оридон, Морвенгар, всегда окутывала лёгкая дымка. Словно сами боги скупались на солнечный свет для этого сурового города. Это утро не стало исключением — холодный туман плотно стлался по плацу тренировочного лагеря на самой окраине, поглощая звуки и скрывая очертания казарм.

Вчера на марш-броске один из новичков, не выдержав нагрузки, упал без сил и больше не встал. Лекарь сказал, что отказало сердце. Елене, как командующей гарнизоном, который занимался подготовкой новобранцев Оридона, сообщили об этом утром. Её реакцией были плотно поджатые губы.

— Ему же лучше, — ответила она. Единственная эмоция, читавшаяся на лице, — презрение. — Можете передать поздравления родителям. Их сын отделался лёгкой смертью.

Не дождавшись ответа от командира отряда, она двинулась на утреннее построение. С того момента Елена и почувствовала недовольство своего духа.

— Ну что, опять? — сверкнула она глазами на волка. — Слабакам тут не место. Если он скончался здесь, от простой тренировки, то что бы с ним сделал настоящий монстр? Разорвал бы за секунду.

В ответ дух лишь издал осуждающий рык. Это ещё больше испортило настроение Елене. *Зачем я вообще оправдываюсь перед духом?* После построения её ждал Нейт для тренировочного боя. Она сама вызвала его, и уже не в первый раз. Но ни разу его не победила. *Единственный и неповторимый тхерионец Нейт и его потрясающий дракон...*

По дороге на плац Елену догнала Ашрина — одна из членов её боевого отряда. Огненно-рыжая бестия с духом-саламандрой. Её магия была огненной, безудержной. Она создавала огненные шары и была живым факелом отряда, разрушительной силой. Непредсказуемая, вспыльчивая и крайне неугомонная особа, которая сегодня с утра также крайне раздражала Елену.

Даже для своей вспыльчивой натуры Ашрина понимала: сейчас лучше не искрить. Видя, что командир не в духе, она не стала подливать масла в огонь, а молча встала сзади, соблюдая

безопасную дистанцию в пару метров. Опыт подсказывал, что сегодня утром даже её присутствие могло вызвать взрыв.

Дойдя до плаца, Елена медленно прошла мимо строя, ожидавших ее новобранцев. Остановившись в середине, также медленно развернулась всматриваясь в лица. Она видела их страх, недоумение, замечала легкую дрожь в ногах. Лишь у редких экземпляров виднелась злость. Злость это хорошо подумала Елена и внутренне улыбнулась. Она стояла как изваяние из стали.

Спина абсолютно прямая, плечи расправлены, подбородок чуть приподнят. Поза, в которой нет ни капли усилия — только порода, въевшаяся в кости с рождения. Она не пыталась казаться выше или значительнее. Она просто была. И этого хватало, чтобы пространство вокруг неё сжималось.

Взгляд скользил по шеренге дрожащих новобранцев — медленно, методично, как ледяной скальпель. Ни одного лишнего движения глазами. Только холодное, изучающее внимание хищника, который уже знает, кого съест первым.

Самым точным словом, которым можно было бы её описать, было «*безупречная*».

Безукоризненно правильные черты. Высокие скулы — такие острые, что, казалось, ими можно порезаться. Идеально ровный нос. Сильный, но изящный подбородок — тот, что бывает у статуй, созданных скульптором, влюблённым в совершенство.

Кожа — фарфорово-белая, абсолютно гладкая, без единой черточки или поры. Будто отполированный мрамор, к которому страшно прикоснуться, чтобы не оставить следа. Ни шрамов, ни веснушек, ни следов усталости.

Волосы — густые, тяжёлые, цвета утреннего инея на стали. Ни единого намёка на теплоту — ни золота, ни меди, ни рыжины. Платиново-пепельный холод, заплетённый в сложную косу. Коса лежала тяжёлой гирляндой, и на свету каждое движение отбрасывало серебряные блики.

Её можно было бы счесть за богиню, сошедшую с небес, — если бы не выражение лица.

Вечное отвращение. Вечная скука. Будто всё, что попадало в поле её зрения, было недостойно даже презрения. Губы — яркие, чувственные, неестественно живые на этом мраморном лице — были плотно сжаты, но даже в этой сжатости угадывалась гримаса: «*Вы здесь. Какая жалость*».

Тхерионка не смотрела на новобранцев. Она рассматривала их. Как бракованный товар на ярмарке, который придётся покупать, потому что другого нет.

Кто-то сзади всхлипнул. Елена даже не повернула головы. Только бровь дрогнула — на миллиметр, едва заметно.

— Плакать будете в казарме, — сказала девушка. Голос — низкий, ровный, безжалостный, как скрежет металла о металл. — Здесь вы учитесь умирать.

Елена не боялась холода — её согревали кожаные доспехи да внутренний огонь. Рядом, неотлучно, стоял её дух — огромный серебристый волк с чёткими чёрными пятнами на морде. Он был настолько силён, что сохранял физическую, осязаемую форму почти постоянно. Со стороны не сразу можно было понять, дух это или невероятных размеров зверь, доходивший высотой до груди своей носительницы.

Во всём их королевстве могучее этого волка был лишь один дух — дракон её брата. Нейт...

При одной мысли о брате синие глаза Елены сузились. С безмолвным презрением она окинула взглядом толпу новобранцев. Кто-то из них стоял, потупив взгляд в землю, кто-то с опаской поглядывал на волка. Его могучие лапы упруго впивались в землю. Синие глаза, такие же, как и у его носительницы, холодные и умные, неотрывно следили не столько за новичками, сколько за самой Еленой. Глубокое, непрерывное рычание, больше похожее на ворчание раздражённого божества, исходило из его груди. Новобранцы съеживались, бросая испуганные взгляды на зверя.

Никто из них и не подозревал, что недовольный рык духа был направлен не в их сторону, а в сторону Елены. Она чувствовала его как вибрацию в собственных костях, как натянутую струну между их душами, которая вот-вот лопнет. *Недовольство. Осуждение. Постоянное, как дыхание.* Он защищал её в бою, но здесь, в этой беспощадной ломке слабаков, он был её судьёй. И это бесило.

Никто не говорил ей, что так бывает. И она никогда ни от какого другого тхерионца не слышала о подобном... Дух — это отражение души, её суть, её сила. Он должен был быть её верным оружием, её тенью в бою и молчаливым союзником всегда. А не этим ворчащим укором. Елена подавила все лишние мысли и произнесла:

— Вчера один из вашего братства слабаков подавился собственным сердцем. Он умер от пробежки. — Она с насмешкой окинула взглядом строй, и у самого угла её упрямой челюсти затрепетала напряжённая мышца. — Кажется, для некоторых из вас даже дыхание оказалось непосильной нагрузкой.

Волк у её ног рыкнул, но на этот раз её голос прозвучал ещё язвительнее:

— Вы все пришли сюда с мыслью стать героями? Жалкие дураки. Герои — это те, кого уже нет в живых. Монстры не будут сражаться с вами по правилам турнира. Они сожрут вашу плоть и даже не заметят вкуса.

Елена медленно шла вдоль строя, останавливаясь перед самыми молодыми новобранцами.

— Посмотрите на себя. Дрожащие щенки, которые ещё не знают, как пахнет настоящая кровь...

Елена внезапно резко повернулась, её голос стал острым как бритва:

— Мне плевать, доживёте ли вы до конца обучения или вас сожрут гибриды сразу после него. Всё, что нужно мне от вас, и то, что нужно вашему королевству, — это чтобы вы уже наконец вытащили ваши головы из-под юбок, подняли свои трусливые задницы и защитили ваш город и ваших матерей от того, что живёт за стенами. Если вы не справитесь с этой задачей, и к концу обучения я увижу здесь среди вас хоть одного дрожащего засранца, то я лично скормлю его монстру.

Носогубная складка глубоко залегла у её рта — словно вырезанная по мрамору, — а на скуле под кожей пульсировал гнев, отбивая точный ритм её презрения.

Оглядев строй еще раз и выдержав паузу, Елена молча развернулась и быстрым шагом покинула плац. Ашрина, ухмыльнувшись растерянным новичкам, проследовала за ней.

У выхода с плаца их ждала Найвин. Мулатка с орлиными чертами лица стояла расслабленно, но её острый, всевидящий взгляд был прикован к приближающимся женщинам. Высоко в небе, сливаясь с серыми облаками, кружил её дух-орёл. «Дальний взор» — так её звали за глаза. Найвин могла разглядеть муху на стене за три квартала и прочитать знаки отряда противника в утреннем тумане. Бесценные глаза армии. Жестокая, расчетливая, она была верна только силе. А значит — только Елене.

— Я вас заприметила, когда вы только вышли на плац, — её ровный голос не выдавал ни единой эмоции. — Твой брат уже на поле слез. Ждет. Кажется, он не ожидал твоего вызова сегодня.

Елена кивнула и, не замедляя шага, двинулась к тренировочному полю. В её глазах не было ни волнения, ни сомнений — лишь привычная холодная сосредоточенность. Их с Нейтом воспитание под началом Тарика было лишено родительской ласки. Бесконечные тренировки, поединки и оттачивание связи с духами. И если ровесники играли в детские игры, они учились выживать.

Возможно, на ее месте другие дети искали бы утешения в братской любви, но не Елена. Соперничество стало ее второй натурой, ядом и движущей силой одновременно. И даже теперь, два года спустя после того, как Нейт был назначен Главным Хранителем королевства Оридон,

Елена не могла смириться. Каждое задание, каждый поступок был подчинен одной цели — доказать королю, что он ошибся. Доказать, что её дух, могучий серебристый волк, чья сила потрясала многих, может сравниться с драконом.

С каждым шагом в сознании всплывали образы — медленно, как тягучий туман, поднимающийся от холодной земли. Елена не гнала их прочь. Нет, она впускала. Давала им заполнять себя, раскалять кровь, чтобы злость вскипала с новой силой.

Двенадцатилетний Нейт. Его глаза горят тем особенным огнём, который бывает только у тех, кто впервые почувствовал настоящую силу.

«Я убью его, Елена! Дракон справится! Все увидят!»

Она помнит, как смотрела на него тогда — снизу-вверх, восьмилетняя девчонка, обожжающая старшего брата. Она верила. Она всегда ему верила.

А потом — пустая комната. Тишина, которая длилась слишком долго. И крики на стене. Крики, от которых у неё похолодело внутри.

Мать не колебалась ни секунды. Как только она узнала, куда отправился ее сын. Бросилась туда, даже не обернувшись. Только щит сверкнул на плече. Это был последний раз, когда Елена видела мать. После случившегося даже ее останки не смогли найти.

Отец тащил Нейта волоком, потому что сил уже не было идти. Кровь хлестала из раны в бок, заливала камни, оставляла за ними липкий след.

Елена зажмурилась, но картина не исчезала.

Отец смотрел не на стражников, не на лекарей, которые уже бежали к нему. Он смотрел на Нейта. Только на Нейта. И в этом взгляде не было упрёка. Только облегчение. «Жив. Слава богам, жив».

А Елена стояла в стороне. Маленькая, никчёмная, никому не нужная. И смотрела, как умирает отец. Как его глаза стекленеют раньше, чем лекари успевают добежать. Как рука, всё ещё сжимающая запястье Нейта, разжимается и падает в пыль. Как дух ее отца, превращаясь в столб света, устремляется ввысь.

Отцу было плевать на неё. Он даже не посмотрел в ее сторону. Он даже не подумал, о том, что оставляет свою дочь. Как и мать. Они выбрали его....

Туман в голове сгушался, превращался в лёд. Хорошо. Пусть.

Воспоминания не ослабляли её — они закаляли. Она не позволяла себе скорбеть. Вместо этого она превращала боль в топливо для гнева. Сила — единственная ценность этого мира. Закон — закон сильного. Их родители забыли об этом, и цена оказалась слишком высокой.

Она шагнула на поросшую жухлой травой арену, известную как поле слез. В это время дня по обыкновению на поле было много людей и тхерионцев, проводивших тренировочные бои. Отовсюду слышались одобрительные возгласы и лязг мечей. Между стоящими тут и там виднелось свечение духов, находившихся рядом со своими носителями. Нейт сидел на краю поля и задумчиво наблюдал за боем тхерионцев на соседней арене. Его сдержанная поза была полна безмолвной силы. В воздухе над ним клубился, переливаясь чешуйчатой дымкой, контур его духа - дракона. Силы его духа хватало на то, чтобы дракон мог пребывать в своем физическом обличье все время, но Нейт не хотел лишний раз наводить ужас на окружающих. Хотя и жители города, и сослуживцы знали, что им нечего бояться, но мало у каких смельчаков не дрожали колени рядом с драконом. Да и размеры духа не совсем подходили для постоянного нахождения в казармах. Поэтому Нейт предпочитал, чтобы его дух не материализовывался без крайней нужды. При желании он и вовсе скрывал свое тхерионское происхождение. Чаще всего это требовалось, если Нейт отправлялся в другие королевства по специальным заданиям короля. Когда Нейт был в Оридоне, за ним неотступно следовала чешуйчатая дымка его духа.

Нейт поднял взгляд на сестру и улыбнулся.

— Никуда, без своей свиты, да? — задал он вопрос, оглядывая Елену и стоящих позади Ашрину с Найвин.

— Может и тебе завести свою, а то зависть не красит, — парировала Елена.

Волк у ног Елены издал глухой рык, чувствуя её ярость. Она знала — он не слабее. Она чувствовала его волю к победе. Но где-то в глубине души таился чёрвь сомнения: а не она ли сама — его слабое место? Не её ли собственные ограничения, её страхи мешают духу раскрыться полностью?

— Здравствуй, Елена, — произнёс Нейт.

В его голосе не было ни раздражения, ни гнева.

Елена подняла взгляд и посмотрела брату в глаза. Те же высокие скулы, как и у нее. Та же точёная линия челюсти, тот же прямой нос. Тот же рисунок губ, плотно сжатых, но вопреки воле хранящих природную, почти чувственную полноту.

Но там, где у неё волосы отливали утренним инеем, у него лежала смоляная чернота — густая, непроглядная, с синеватым стальным отливом на свету. Отцовское наследство. Тяжёлые пряди падали на лоб в хаотичном порядке, смягчая строгость черт, делая его чуть менее похожим на статую и чуть более — на живого человека.

И от этого сходства — такого разного, такого близкого — у Елены внутри что-то болезненно сжалось.

Она так старалась быть непохожей на брата. Так отчаянно хотела доказать, что она — не он, что она лучше, сильнее, достойнее. А сейчас смотрела в его лицо и видела себя. Словно в кривое зеркало, где свет и тень поменялись местами.

— Начинаем.

— Хорошо. — Нейт встал и развел руками. — Ты помнишь — духи не участвуют, и их магия тоже. — Он бросил взгляд на волка.

Зверя окутала светящаяся дымка, он замерцал и через несколько секунд пропал вовсе.

В ответ Елена лишь выхватила меч. Лязг стали о ножны прозвучал как вызов. Её стойка говорила сама за себя. Вся арена замерла в предвкушении. В наступившем молчании воздух застыл, тяжёлый, как перед ударом молнии.

Лязг стали о сталь просвистел над полем. Елена начала с агрессивного натиска — серии быстрых рубящих ударов сверху и сбоку, стремясь проломить защиту брата с первых секунд. Нейт отступал на полшага под каждым ударом. Его клинок встречал выпады чётким парированием. Он держал меч двумя руками, блокируя атаки под идеальным углом, чтобы рассеять силу.

— Ты замахваешься слишком широко, — безмятежно отметил брат, отклоняя очередной удар.

Елена, игнорируя замечание, сменила тактику. Вместо размашистых рубящих движений она перешла на резкие колющие выпады, целясь в горло, плечо, кисть. Тхерионка двигалась вперед, заставляя его отступать к центру поля. Нейт работал корпусом, отводя голову и плечи на сантиметр от линии атаки, его меч короткими и экономными движениями отбивал её клинок в сторону.

Она пропустила его ответную атаку — быстрый удар в живот, который закончился за несколько сантиметров до её доспеха. Это был не удар, а намёк. Предупреждение.

— Видишь? Ты открываешься, — сказал он, возвращаясь в оборонительную стойку.

Ненависть затуманила её зрение. Она снова пошла вперёд, нанося удар за ударом — справа, слева, снова справа. Их клинки сходились с сухим лязгом. Елена пыталась зайти с фланга, но брат всегда оказывался к ней лицом. Попытка сделать обманный выпад в ноги, чтобы тут же перенести вес и нанести удар по голове. Нейт не клонул. Он не стал опускать меч, а поднял клинок выше, приняв удар на крестовину. Искры брызнули в воздух.

— Хорошо, — отреагировал брат, но уже жёстче.

В этот миг он контратаковал. Не силой, а скоростью. Его меч описал короткую дугу и ударил по её клинку плоской стороной. Мощный вибрационный удар отозвался болезненной дрожью в пальцах Елены. Она не выпустила меч, но её защита дрогнула на долю секунды.

Этого хватило.

Левая рука Нейта со всей силой вцепилась в её вооружённое запястье, останавливая меч. Одновременно с этим он сделал резкий шаг вперёд, так, что теперь их разделяло не более полуметра. Елена попыталась нанести удар коленом, но Нейт развернул бедро, приняв удар на мышцу. Его собственная правая рука, всё ещё сжимавшая рукоять меча, опустилась вниз, и он нанес ей мощный, но контролируемый удар рукояткой в солнечное сплетение.

Воздух с силой вышел из лёгких девушки. Она не упала, но согнулась от боли, инстинктивно отпустив меч. Её оружие с грохотом упало на землю. Ослеплённая яростью и болью, Елена бросилась на него врукопашную.

Она нанесла серию коротких ударов локтями по корпусу, пытаясь пробить его защиту. Нейт блокировал их предплечьями, отступая на полшага и сохраняя дистанцию. Но в какой-то момент Елена, разозлившись окончательно, разорвала дистанцию резким шагом назад и тут же бросилась вперёд, вкладывая весь вес в прямой удар кулаком в лицо.

Нейт этого не ожидал. Кулак врезался в лицо и рассёк бровь. Тонкая струйка крови потекла по лицу.

Елена попыталась развить свой мимолетный успех: схватила его за шею, пытаясь повалить, используя инерцию и вес. Но Нейт был выше, сильнее и устойчивее. Вместо того чтобы сопротивляться её захвату, он шагнул вперёд, сокращая дистанцию до нуля, перехватил её руку и, резко развернувшись бедром, использовал её же инерцию против неё самой.

Елена перелетела через его бедро и с глухим стуком приземлилась на землю, на мгновение увидев звёзды. Прежде чем она смогла откатиться и встать, Нейт был уже на ней. Его колено мягко, но неотвратимо придавило её грудь к земле, а его сильные пальцы обхватили её горло, фиксируя, лишая возможности продолжить бой.

Елена лежала, тяжело дыша, глядя в его спокойное лицо. Гнев уступил место горькому признанию. Он дышал чуть глубже обычного. Всего лишь.

— Мы закончили, — сказал Нейт.

— Да что б ты провалился... — выдохнула она, ловя воздух. Глаза горели обидой и усталостью. — У меня техника не хуже. Я сильнее и выносливее всех твоих стражников.

Нейт, всё так же удерживая её, пока она не успокоится. В его взгляде не было торжества.

— Ты сражаешься не со мной, Елена. Ты сражаешься с собой.

— Что ты несешь? — она попыталась вырваться, но его хватка была неумолима.

— Злость и старые обиды застилают твой разум.

— Ах это старые обиды? Действительно зачем вспоминать о том, что ты убил наших родителей. Подумаешь. Да тебе плевать на то, что случилось!

Тень боли скользнула по его лицу, губы сжались.

— Я осознаю свою вину каждый день, — тихо, но очень четко произнес он. — И я научился с этим жить. Вся разница не в силе, Елена. Вся разница в том, что я повзрослел. А ты — нет.

Он отпустил её и поднялся, отряхнув колено. Его спина была прямой, но в ней читалась тяжесть, которую он нёс все эти годы.

— Подними меч. И в этот раз подумай, кто твой настоящий противник.

— Будь ты проклят, — прошипела Елена так, чтобы слышал только он, и сплюнула на землю кровь. Боль, исказившая на мгновение её лицо, была сметена ледяным равнодушием. Она поднялась, отряхнулась и нацепила привычную маску — скуку и всепоглощающее презрение.

Дело было не в том, что кто-то увидел её поражение. Каждому, кто посмел бы усмехнуться, она могла бы вправить мозги без лишних слов. Нет. Она не могла позволить никому — даже самой себе — заметить, как глубоко вошло лезвие его слов. Как легко они вскрыли старые, гноящиеся раны, которые она годами выдавливала из себя силой и гневом.

Елена повернулась спиной к брату и медленно, но с высоко поднятой головой пошла к своему отряду. В тот же миг в воздухе замерцала серебристая дымка, и рядом с ней возник волк. Он шёл вровень, касаясь могучим боком её ноги, принимая её тяжесть и поражение. Дух знал, что творилось в душе у его носительницы. Видимо поэтому он решил смириться над ней и больше не ворчал, как все утро до этого. Наоборот, он подставил свою серебристую морду ткнув носом ей в ребра, дав возможность Елене почесать себя за ухом. Елена конечно не стала этого делать. Не здесь, не на глазах у всех.

Но её пальцы, всё ещё сжатые в кулак, на мгновение разжались. Этого было достаточно.

Елена подошла к своему отряду. Найвин и Ашрина стояли в окружении двух мужчин — её стала была почти в полном сборе.

Чуть поодаль от Ашрины, на скамье около поляны сидел стройный Миро с вечно усталыми, внимательными глазами. Их лекарь. Рядом с ним замер его дух — белоснежный аист, резко контрастирующий с грязью плаца. Магия Миро затягивала раны на поле боя, но главным его даром была нейтрализация ядов. Он работал без эмоций. В мирное время его всегда можно было найти в лазарете — он испытывал antidоты, лечил солдат. Елена знала: мораль Миро была гибкой, как шея его аиста. Для проверки нового зелья он без колебаний мог использовать и человека. Тхерионец изучал какой-то свиток.

Завершал группу Дилан, развалившийся на бочке и ловко подбрасывавший кинжал. Его подвижные глаза безостановочно изучали плац, и, поймав взгляд Елены, он хитро прищурился, ответив кривой ухмылкой. Его дух — рысь давала своему носителю магию иллюзий. Он создавал убедительные миражи и мог ненадолго скрыть отряд от чужих глаз. Дилан был виртуозом обмана и психологических игр. В отряде, где каждый брал силой или скоростью, он брал головой. И Елена ценила это больше, чем десяток лишних мышц.

Дилан первый нарушил тишину:

— В этот раз ты оставила на его лице отличную отметину. — Он усмехнулся. — А все-таки он не железный.

ГЛАВА 6

Елена

Сила духа, явленная в тхерионце — это суровая обязанность перед грядущими поколениями. Сей дар определяет не только судьбу одного человека, но и обороноспособность всего королевства, коему он служит. Потому с момента пробуждения духа, по достижению носителем двенадцати зим, решается его путь.

Во всех землях Антарса, будь то суровый Оридон, непокорный Гримнор или сумрачный Мальдракс, воле носителя духа четвертого уровня предшествует воля королевская, явленная через Совет определения долга. Она должна быть направлена на службу, дабы стоять несокрушимой стеной против угроз, внешних и внутренних.

В иных же королевствах, чьи нравы мягче, а уклады стариннее, носителю предлагается выбор из рук Совета — ряд достойных поприщ, где его мощь обретёт наилучшее применение. Но суть едина для всех: тхерионец четвертого уровня не может оставаться вне поля королевской службы.

Сие принуждение, сколь бы суровым оно ни казалось, с лихвой окупается почётом, высоким жалованьем, землями и привилегиями, что получает тхерионец. Ибо цена его силы — вечное бдение, а награда — безопасность и порядок в землях, что он поклялся защищать.

«Хроники земель Антарса для обучения детей людей и тхерионцев младших возрастов»

Составлено магистром Ордена Летописцев Кассии

Книга третья: Об устройении власти и долга

Елена опустила на скамью рядом с Миро, уперла локти в колени и взглядом окинула поляну. Нейта уже нигде не было видно. Её внимание приковал к себе громила на арене, против которого выставили сразу двоих. Магия в поединках была под запретом, но этому тхерионцу она, судя по всему, была и не нужна.

Первый из его противников, парень с детским веснушчатым лицом, уже не мог поднять правую руку — та висела под неестественным углом. Он прижимал её к корпусу, сжимая в левой руке меч. Второй, постарше и с заметной хромотой, с искажённым от страха лицом рванулся вперёд, пытаясь проткнуть здоровяка в бок. Тот ловко увернулся, схватил соперника за кисть и с такой силой ударил ногой в живот, что тот, описав дугу, рухнул за край арены. Глухой хруст прокатился по плацу.

Дилан, до этого наблюдавший с бочки, мгновенно оказался рядом с упавшим. Осмотрел тело и, встретившись взглядом с Еленой, коротко покачал головой.

— А ты почему не подошёл? — Ашрина повернулась к Миро, положив руку на бедро.

Тот даже не взглянул на убитого, не отрываясь от свитка в руках.

— А смысл? Я мертвых не воскрешаю.

— Как ты догадался, если не смотрел? — не унималась Ашрина.

— Я не догадался, я *услышал*, — с невозмутимостью взрослого, объясняющего ребёнку, ответил Миро и наконец повернул голову к Елене. — Это второй случай за неделю. Бор, конечно, прекрасен в своих... — он запнулся, будто подбирая слово, но махнул рукой. — Но прошу заметить: количество тхерионцев не бесконечно. А это был тхерионец...

— Хорошо, что люди тебя не слышат, — усмехнулась Найвин, скрестив руки на груди. — А то подумают, будто ты не так высоко ценишь их жизни.

— По-моему, это очевидный статистический факт, — даже бровью не повёл Миро. — И, кстати, раз уж это снова произошло... я хотел бы забрать тело. Думаю, смогу найти ему достойное применение.

Найвин поморщилась.

— Какой удачный для тебя день, да? — встряла Ашрина. — Солнце ещё не в зените, а ты уже нашёл себе новую игрушку для опытов.

Ашрина и Миро замолчали, уставившись друг на друга. Воздух налился напряжением.

— Естественный отбор... — вдруг сказала Елена, и сделав паузу, добавила — Слишком много времени вы тратите на разговоры о тех, кто и этого был не достоин.

Дальнейшие споры между Миро и Ашриной были чреваты последствиями в виде более резкой реакции их командира. Поэтому они оба предусмотрительно поубавили свой пыл.

В этот момент к ним подошли Дилан и Бор. Громила на голову превосходил рослейших воинов, а ширина его плеч вызывала в гарнизоне смесь восхищения и зависти. Елена скользнула взглядом по Бору, и в голове возникла мысль: *«Интересно, справился бы Нейт с этой глыбой?»*

Бор и без духа мог один сражаться против пятерых. А когда он использовал магию своего духа - бурого медведя, он и впрямь был способен голыми руками остановить таранного быка. Но главным его качеством была даже не сила, а слепая преданность командиру. Её верный пёс. Её карающий меч.

Уголки её губ дрогнули в лёгкой, едва заметной улыбке. Теперь весь ее отряд был в сборе.

Елена медленно обвела взглядом своих людей. Огненная Ашрина, всевидящая Найвин, циничный целитель Миро, мастер иллюзий Дилан и несокрушимый Бор. Все они, такие разные, были её отражением — гранями силы, контроля, разрушения и выживания любой ценой. Не семья. Не друзья. Идеально отточенные инструменты в её руках. Никакой слабости. Никаких сомнений.

На поле появился Тарик. Суровый мужчина среднего роста и телосложения. Он был человеком, но это не мешало ему внушать страх подчинённым — и людям, и тхерионцам.

Род Елены и Нейта Соласов исчислялся многими поколениями тхерионцев четвертого уровня. Их кровь считалась древнейшей в Оридоне, и Совет лично следил, чтобы никто из них не испортил родословную случайным браком.

Елену это бесило.

Ее, как племенную кобылу, ждал брак с тхерионцем только четвертого уровня — чтобы дети наверняка унаследовали сильных духов, а Оридон получил еще больше боевых единиц. Стратегия работала: в их роду действительно все обладали мощными духами. Тому подтверждение она сама и, особенно, её брат с его драконом.

Правда, родителей это не спасло.

Когда они погибли, Елену и Нейта, как будущих воинов, отдали на воспитание Тарику, на тот момент начальнику королевской стражи. Уже тогда он казался старым. Тарик стал для них не только опекуном, но и наставником. Их жизнь превратилась в суровую школу выживания. Он не обижал их сам и не давал в обиду другим, но ждать от старого вояки родительской любви и заботы было бессмысленно. В казармах не находилось времени для душевных разговоров или вечеров у камина. Вместо семейных обедов — изнурительные тренировки на выносливость. Вместо сказок на ночь — спарринги с бывалыми бойцами, которые учили их одному: как выжить и победить. Пока их сверстники играли на улицах, Елена и Нейт часами отрабатывали удары, стреляли из лука и учились понимать своих духов.

На их месте другие дети, возможно, стали бы друг для друга опорой, пытаясь заменить погибших родителей. Поначалу Елена тянулась к брату, но он её избегал. Им с малых лет твердили: лишь один из них сможет стать главным хранителем королевства. Ни Елена, ни Нейт

не желали уступать. Даже сейчас, два года спустя после назначения Нейта на эту должность, Елена не оставила попыток доказать королю, что он совершил ошибку.

В последнее время Тарик редко появлялся на арене, поэтому Елена с удивлением посмотрела на приближающегося наставника. Возможно, он был единственным человеком, к кому она испытывала если не уважение, то нечто очень близкое к нему.

— Король ждёт тебя. Сейчас же. — Тарик обратился к Елене своим обычным суровым тоном. Словно перед ним всё ещё стояла провинившаяся девочка.

Елена подняла голову, откинув за спину тяжёлую серебристую косу.

— У нас четыре монстра у восточных ворот. Предложишь им подождать?

— А королю, по-твоему, ждать удобнее? — парировал Тарик. — Пошлём к восточным воротам другой отряд.

Делать нечего. Придётся идти. Желание Елены занять место главного хранителя не имело ничего общего с преданностью короне. Ею двигали лишь амбиции, и навязчивая потребность доказать брату, кто из них сильнее. По этой причине она избегала появляться в замке без крайней необходимости.

Раздав указания своему отряду, Елена вместе с Тариком двинулись к замку. Замок стоял в центре равнины, окруженный высокими стенами из темного базальта. Огромный, мрачный, как затаившийся хищник. По углам возвышались четыре сторожевые башни. Широкая дорога вела к подъемной решетке с окованными сталью зубьями.

Внутри замка было многолюдно. По мостовой грохотали повозки с припасами. У кузниц выстроились очереди за новыми мечами и наконечниками для стрел. Возле казарм командиры отрядов проводили учения с новобранцами. В воздухе стояли запахи дыма, раскаленного металла и конского пота.

Здесь всё было подчинено войне — от запахов до распорядка дня.

Король Дамар предпочитал проводить встречи в рабочих кабинетах, а не в тронном зале. Вот и сейчас Тарик провёл Елену через пустую приёмную. У входа стояли двое гвардейцев. На месте, где обычно сидел главный писец, было пусто. В кабинет Тарик заходить не стал. Елена остановилась перед черной дверью, когда Тарик ее окликнул:

— Убери духа, Елена. Ты же знаешь, он этого не любит.

Елена недовольно вздернула брови, но дух волка пропал. Медленно опустив дверную ручку, она открыла дверь.

Кабинет короля был отделан темным деревом. Помещение чётко поделено на две части. В первой стоял длинный массивный стол из черного мрамора, вокруг него — десять таких же тяжёлых, резных стульев. Окна находились высоко под потолком, и в кабинете царил полумрак. Недостаток света компенсировали магические огни — пламя, заточённое в стеклянные шары, которые парили в воздухе на высоте двух метров.

Вторую часть кабинета скрывала большая ширма. Что находилось за ней, Елена разглядеть не смогла.

Король Дамар сидел за столом и внимательно изучал какие — то бумаги. Сдержанный, величественный, он сидел, не обращая внимания на вошедшую Елену. Размахом плеч он мог посоревноваться с Бором, хотя в росте ему уступал. Король был человеком, как и все короли континента. Суровые надбровные дуги, широкий лоб, и большие как у медведя ладони.

Елена запомнила эти его черты еще в тот день, когда убили их родителей. И ее с Нейтом привели к королю на смотрины. Тогда им и сказали, что они слишком ценны для того, чтобы оставлять их без присмотра, и что о них будет заботиться Тарик. В отличие от Нейта, дух Елены еще не проявился. До этого дня оставалось еще четыре года. Но учитывая, что в ее брате проснулся дракон, то от нее и не ждали ничего другого кроме духа четвертого уровня. Все это король рассказывал им, сидя на этом же стуле, что и сейчас. В тот момент Елена плохо понимала, что говорит ей король. Она смотрела только на его огромные руки и думала о том,

почему он сам с такими большими руками не мог убить тех гибридов. На Нейта была страшно смотреть. Он не мог стоять и сполз на колени. Но Елене было его не жалко. Всё, что она хотела, чтобы он, или король, говоривший так долго без остановки, или этот старик Тарик, стоявший сзади, да кто угодно из них, но только не ее родители остались у этих проклятых ворот.

Вот и сейчас взгляд Елены сфокусировался на руках короля. Она, как и подобает в таких случаях, молча остановилась за несколько метров от правителя и опустила голову. Король не обращал на нее внимания несколько минут, изучая документы. Наконец он перевел взгляд на тхерионку.

— Какая численность тхерионцев в Оридоне на сегодняшний день? — без предисловий сразу задал он вопрос. Его тембр низкий и отрывистый походил на рык зверя. Будь Елена чуть трусливей, она бы испытывала перед ним страх, но это слабость. А слабость она себе не позволяла, даже перед королем. Елена знала, что Нейт тоже не боялся короля. Но этот дурак был слепо предан королю и его преданность граничила с фанатизмом. Главный придурок королевства Оридон.

— Около девяти тысяч двухсот по последней переписи, мой король, — не задумываясь ответила королю Елена.

Король не предложил Елене сесть за стол рядом с ним, но оно и понятно. Он никогда этого не делал.

— Сколько среди них четвертого уровня силы? — задал еще один вопрос король Дамар.

— Девяносто пять, мой король, — также без запинки ответила Елена. — Четыре дня назад в деревне на границе с Гримнором у тхерионки проснулся дух горного льва. Сейчас ее готовят к переезду в Морвенгар.

Лицо короля не выражало никаких эмоций. Одной рукой он облокотился на мраморный стол, другую поставил на изголовье стула, повернувшись корпусом к Елене.

— А сколько у других?

Елену удивило, что король задает ей такие вопросы. Зачем королю статистика? Чтобы проверить ее? Вряд ли королю скучно и не с кем поговорить. Она не занималась статистикой, она обучала его армию. Но ответ все же был ей известен.

— Шестьдесят пять в Рейлине, около пятидесяти в Моридуме и Арлине, остальные королевства — по тридцать-сорок... — как скороговорку перечислила Елена данные по численности армий четвертого уровня силы. Каждый тхерионец четвертого уровня силы был важной военной мощью государства, поэтому их исчисляли в точном количестве. О смерти тхерионца такой мощи, как и о появлении нового всегда было известно широким массам.

После каждого ответа Елены, король долго молчал и вглядывался в глаза тхерионки, будто хотел что-то там прочесть.

— И сколько это всего? — спросил снова король, еще больше удивив Елену этим вопросом. Непонятно зачем считать общую численность, если она все равно поделена между королевствами.

Елене потребовалось несколько секунд, чтобы сложить числа:

— Триста девяносто один тхерионец.

Наконец Дамар встал со своего стула и не торопясь прошел по кабинету:

— Большая сила... — задумчиво произнёс он, остановившись у камина. — Я бы даже сказал — сокрушительная... — Король снова замолчал, глядя на огонь. — Ты можешь представить противника, который смог бы противостоять такой силе?

— Нет, мой король.

— А он есть. Сотни лет тхерионцы обеспечивают наш мир процветанием. Растут города, крепнут королевства, растёт ваша численность. Да, мы воюем между собой — но это ерунда. — Он резко повернулся к ней. — Но теперь... если мы не остановим её, скоро не останется ни одного тхерионца.

Дамар медленно подошёл ближе, его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

— Эта угроза уже здесь. Она не станет разрушать наши города. Она пришла по ваши души. Чтобы вырвать с корнем вашу силу и оставить этот мир беззащитным. И она начнёт с Оридона. Её нужно найти. Немедленно.

Король замолчал.

Дамар вызывал в ней странные чувства. Что бы он ни говорил, она ощущала в костях лёгкую, навязчивую вибрацию. Отчасти она догадывалась о причинах. Магия её духа позволяла чувствовать эмоции других. В том числе и ложь. Она никому об этом не рассказывала — да и способность эта проявилась не сразу. На поле боя она бесполезна: в бездушных тварях не было ни сомнений, ни лжи. Зато в стенах гарнизона этот дар оказывался как нельзя кстати. Ложь она ощущала, как резкую боль в мышцах. Но с королём всё было иначе. Боли не было — лишь глухая вибрация, будто его с головы до ног окутывал незримый туман, мешавший разобрать исходящий от него сигнал.

Сейчас этот туман снова клубился вокруг него. Елена чувствовала знакомую дрожь, поднимавшуюся от пяток вверх. То, что исходило от короля, было не ложью в чистом виде, а чем-то более сложным. Он что-то скрывал. И это что-то пульсировало в его словах, как застарелая рана под повязкой.

Чего он хочет на самом деле?

— Мой король, у вас есть сведения, что на нас готовится нападение с Бравана? — предположила она единственное логичное объяснение.

— Будь я уверен в Браване, я бы так и сказал! — отрезал король. — Я жду от тебя внимания к словам! Я говорю о женщине. Женщине, которая убьёт всех нас.

Елена моргнула. Женщина? Она ждала армию, вторжение, хотя бы отряд еретиков. А он говорит о женщине.

На секунду ей показалось, что король тронулся умом. Но глаза его были ясны — сталь, привыкшая доминировать. Так смотрят только в здравом рассудке.

— Отправляйся в Урму. Найди эту женщину. И доставь её мне... живём.

Гнев волной подкатил к горлу. *Теперь я ловец беглых шлюх?* — пронеслось в голове. Она сжала зубы, чтобы не сказать это вслух.

— У неё есть имя? — спросила она, стараясь сохранить спокойный тон.

— Очевидно, что имя есть у всех, — король хмыкнул, будто она сказала нечто глупое. — Мне оно не известно. Но ты узнаешь её по глазам. Один — человеческий. Второй — жёлтый, с вертикальным зрачком.

Какого Морана...

— Мой король, но как одна женщина может уничтожить всех тхерионцев?

— Слишком много вопросов, капитан. — Речь короля зазвучала жёстче. — Я думал, ты не болтлива. Потому и выбрал тебя. Кого же ещё мне отправить на это задание, если не своего главного воина? Не разочаруй меня. Иначе я укреплюсь во мнении, что Нейт был верным выбором на посту Главного Хранителя.

Елена стиснула зубы. Внутри всё кипело, но лицо оставалось непроницаемым.

— Я поняла.

Она стояла прямо, руки за спиной, подбородок чуть приподнят. Истинный солдат.

— Выступайте завтра. Бери отряд. Говори им лишь то, что необходимо. И, капитан... — король сделал паузу. — Не советую её сильно злить.

Король еще немного постоял, разглядывая Елену о чем-то задумавшись. Потом молча развернулся и направился к своему столу, неопределенно махнув рукой, показывая, что аудиенция закончена. Елене оставалось лишь поклониться и выйти. За дверью она остановилась. В голове гудели обрывки мыслей. Женщина с кошачьим глазом. Угроза для сорока тысяч тхе-

рионцев. Почему только для них? Что с её глазами? Если она так опасна, почему король не поднимет все королевства на охоту?

Вопросы один за другим мелькали в голове тхерионки. Вибрация в теле начинала стихать. Елена потрусила кистями, будто сгоняя с себя остатки непонятных ей ощущений. Странное поведение короля не выходило из головы.

Но самый главный вопрос, который не давал Елене покоя: что значит не советую ее злить? Она что, превращается в монстра? Или может убить их одним своим желтым глазом. Елене необходимо было вести весь свой отряд на поимку «угрозы всех тхерионцев». И для выполнения этой задачи она должна была понимать с чем они столкнутся. Она знала, что может вызвать гнев короля, вернувшись в его кабинет, особенно учитывая, что он ясно дал ей понять, что не желает лишних расспросов. Но возможно у нее получится разузнать что-то более существенное, чем те крохи, что дал ей король.

Писец, обычно сидевший у входа в кабинет так и не появился. Поэтому Елена сделала глубокий вдох и вновь потянулось к ручке. Девушка вернулась в кабинет, начинающийся узким коридором, в конце которого, повернув, можно было попасть в сам кабинет. Повернув, Елена хотела сразу обратиться к королю, но увиденное заставило ее сделать шаг назад и спрятаться за поворотом. Она притаилась, как хищник высматривающий добычу. В этот момент Елена даже не осознавала, что она подсматривает за своим королем, что категорично точно нельзя было делать. Это граничило с изменой короне. Она было хотела незаметно уйти, но не могла оторвать взгляд от короля.

Король Дамар стоял спиной к Елене во внутренней части кабинета, которая размещалась за ширмой. Елена видела лишь правую сторону короля, выглядывающую из-за ширмы. Он стоял, опершись рукой о большую темно-коричневую раму. Рама обрамляла большое зеркало в пол.

Как я не заметила этого зеркала – удивилась Елена. Она старалась не дышать, смотря на странную позу короля. Это не был тот король, что говорил с ней две минуты назад. Это была поза уставшего сломленного человека. Он опирался рукой о зеркало. Голова и плечи опущены. Спина поднималась и опускалась, будто он пробежал много километров не останавливаясь, и никак не мог отдышаться.

Возможно он болен, предположила Елена. Но ведь я видела его только что и король был здоровее любого из них! Внезапная метаморфоза, произошедшая с королем за короткий срок, была удивительна, но Елена поспешила себе напомнить, что здоровье короля – это точно не ее ума дело. Она уже хотела сделать шаг в сторону выхода, как услышала голос. Тягучий, липкий, он сразу же окутал Елену с ног до головы, не дав ей возможности пошевелиться. Она никогда не слышала ничего подобного. Невозможно было понять ни возраст говорящего, ни пол. Он говорил медленно, без эмоций, будто что-то ему мешало и каждое слово давалось с трудом.

— Мое терпение заканчивается, Дамар.

У Елены сжалась челюсть и заходили желваки от злости. Возможно она и не была главной в группе почитателей Дамара, но, как и главное кто посмел так разговаривать с ее королем. И как он очутился здесь, пройдя мимо нее? Возможно незнакомец скрывался за ширмой или прошел через потайной ход. Было очевидно, что королю угрожают, а значит ее задача – наказать изменника. Рука Елены потянулась к ножнам и замерла, оглядывая помещение, но никого не увидела.

— Я...я знаю... — король заикался. — Я со...соблюдаю договоренности. Вчера я отправил еще пятерых.

Он продолжал смотреть в зеркало.

— Мне нужно больше...

— Но я не могу отправлять много и сразу. Это станет заметно. Скоро они начнут бросаться в глаза! – короля трясло.

— Осталось немного, скоро это будет меньше из зол, и никто не обратит на них внимания...

Этот голос... Он будил в Елене давно забытое чувство мерзкого страха. Она забыла, кто она, забыла о своей силе. О том, что она один из сильнейших воинов Антарса. Она лишь слушала и пыталась увидеть. Все силы уходили на то, чтобы сдержать волка, чтобы тот не проявился. Да где же он? Она поняла... зеркало! Дамар говорил с кем-то через зеркало! О такой магии Елена никогда не слышала.

— Я постараюсь...

— У тебя нет выбора, – равнодушно ответил голос.

И в этот момент кто-то зажал Елене рот и, удерживая ее руку, грубо развернул. Нейт... Нейт?

Обычно спокойные глаза Нейта горели злостью. Он поднес палец к губам, показывая ей быть тише и настойчиво потащил сестру к выходу.

Дверь с глухим стуком захлопнулась. Прежде чем Елена успела издать звук, железная хватка Нейта на её запястье не ослабла, а превратилась в стальные тиски. Он не повёл, а потащил Елену по коридору, с такой силой, что её плечо пронзила боль.

— Пусти! — прошипела Елена, пытаясь вырваться. Её свободная рука инстинктивно потянулась к рукояти меча.

Нейт резко остановился, развернул сестру и вдавил её спиной в каменную стену. Он навис над ней. Его лицо было искажено не яростью, а чем-то худшим — леденящей, обезличенной целеустремленностью. Его глаза были пусты, как два осколка льда.

— Ты хоть поняла, что сделала? — шипящая интонация Нейта резала слух острее крика.

— Я видела, что нашему королю угрожают! — выдохнула она, пытаясь оттолкнуть его. Это было всё равно, что толкать гору. — Я слышала, что Дамар сказал, что он... он кого-то отправляет... куда... Кто этот голос в зеркале?

Лицо Нейта не дрогнуло. Ни тени удивления, ни гнева. Лишь подтверждение её худших подозрений. Он знал. Он всё знал.

— Есть приказы, которые не обсуждаются, — отчеканил он. — Есть дела, в которые не лезут. Даже ты. Тем более ты.

— Это не дело, это заговор! — она осеклась на полуслове от бессилия и неверия в происходящее.

И тут Нейт сделал то, чего она от него не ожидала. Он придвинулся так близко, что их лбы почти соприкоснулись. Его дыхание обожгло ей кожу.

— Елена, слушай меня очень внимательно, — его слова прозвучали низким, почти беззвучным шепотом, который обжигал хуже пламени. Он с силой зажал ее шею и развернул лицом в сторону двери, не давая отвести взгляд от деревянных волокон двери. — Посмотри на эту дверь. И спроси у своей разумной стороны, стоят ли твоё детское любопытство и тупые вопросы того, чтобы твоя карьера, твоя свобода, твоя жизнь — всё превратилось в прах.

Внутри Елены нарастала вибрация — густая, будто перед грозой. И она не могла понять, что было в набат: ложь брата или та ядовитая смесь злости и обиды, что подступала к горлу.

Нейт на мгновение ослабил хватку, позволив ей сделать судорожный вдох, и тут же закончил, вновь вдавливая её голову в дверь:

— Я лично закую тебя в камеру за измену короне. Ты мне веришь?

Елену душила злость. Не боль от его рук, а жгучее, унижительное чувство бесправия. Она верила. Верила в абсолютную, безжалостную правду его слов. В его глазах не было ни капли братской любви. Только долг. Долг перед королём, который был для него важнее крови. Он отступил на шаг, его хватка наконец ослабла. Нейт смотрел на неё сверху вниз, как она обычно смотрит на неудавшегося новобранца.

— Я делаю то, что должно быть сделано, чтобы это королевство устояло. А ты получила свой приказ. Воспользуйся шансом доказать свою полезность. Или исчезни. Других вариантов для тебя нет.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь. Его прямая спина была живым воплощением её поражения.

Елена осталась стоять у стены, дрожа от унижения и ярости. В её голове всё сложилось в чудовищную картину. Король продаёт их людей таинственной силе. А её брат, её вечный соперник, Главный Хранитель, — его правая рука. Он не спасал её там, в кабинете. Он защищал их грязную тайну.

Она медленно выпрямилась, потирая онемевшее запястье. Эмоции медленно оседали, уступая место острому любопытству. Самому опасному чувству для солдата. Теперь вдвойне интересней, каким образом тут замешана женщина с разными глазами.

ГЛАВА 7

Дарайя

Рейлин, Долина Озёр. Земля, богатая водоемами и плодородными долинами. Множество озёр, соединённых рекой Аркай, делают Рейлин главным торговым путем между севером и югом. Здесь живут искусные корабелы и рыбаки, а столица Лимир славится своими белыми башнями, отражающимися в водах главного озера. Благодаря торговле Рейлин стал одним из самых богатых королевств.

Информация о сильнейшем тхерионце: Лорд-Адмирал Кайлан Вал'тур. Его дух — Озёрный Змей четвёртого уровня. Этот исполин способен поднимать волны и одним ударом хвоста отправлять на дно целые корабли. Пока Змей охраняет воды, торговые пути Рейлина под надёжной защитой.

"Хроники земель Антарса для обучения детей людей и тхерионцев младших возрастов"

Составлено магистром Ордена Летописцев Кассии

Книга четвертая: О королевствах восточных

На четвертый день пути на север, к туманным границам Рейлина и Гримнора, где, по словам Мики, должен был находиться разрушенный храм Стеклянного леса, Орвин решил, что лучшим лекарством от дорожной тоски является песня.

Обладая верой в свои вокальные способности, сравнимой разве что с его неутомимым нравом, и полным отсутствием дара барда, он принялся за дело с завидным упорством. Его голос, ломаясь на хриплых нотах оглашал окрестные холмы, пугая пролетающих птиц и заставляя мелких зверьков в ужасе разбегаться по своим норам. Он пел старую дорожную балладу о забытом герое тхерионце и его верном духе - грифоне, но под его творческим подходом от оригинальной мелодии не осталось и следа.

Духу-хорьку повезло больше всех в этот момент. Едва Орвин сделал первый глубокий вдох, готовясь вывести особенно замысловатую трель, зверёк, обычно неотлучно находившийся на его плече или крутившийся у его ног, счёл за лучшее демонстративно раствориться в воздухе. Полупрозрачный хорёк исчез с таким выразительным и страдальческим взглядом, что это могло бы рассмешить кого угодно. Он не появлялся до тех пор, пока эта музыкальная попытка не закончилась, предпочитая одиночество душераздирающим руладам своего носителя.

Айден, шагавший впереди их маленького каравана и высматривавший возможные опасности на тропе, лишь глубже надвинул капюшон своего дорожного плаща на глаза. Его широкие плечи слегка подрагивали — то ли от беззвучного смеха, то ли от безысходности. Дарайя же, чья голова и без того раскалывалась от навязчивого шёпота, лишь закатывала свой здоровый, карий глаз к небу и мрачно спрашивала, обращаясь больше к судьбе, чем к самому певцу:

— И за какие же грехи мы должны расплачиваться? Я, может, в прошлой жизни целое королевство сожгла? Или осквернила алтарь какого-нибудь забытого бога мелодии?

— Ты ничего не понимаешь в высоком искусстве, Дарайя! — парировал Орвин, делая особенно душераздирающий и абсолютно немыслимый переход между куплетами, от которого у слушателей могла задергаться глаз. — Это же подлинная народная песня гимнорских пастухов! Она веками поднимала боевой дух одиноким пастухам в горах! В ней — дух народа!

— Единственное, что она может поднять, — это твою, и без того заоблачную самооценку, — пробормотала Дарайя, сжимая виски пальцами, пытаясь заглушить и внутренний шёпот, и внешний раздражитель. — И, возможно, мертвецов на ближайшем кладбище. Уверена, они уже прислушиваются.

Но, как ни странно, даже её едкие протесты были не всерьёз. В этой музыкальной пытке была своя, горькая и странная прелесть. Это нормальность, которой им так не хватало. Простое, почти дурацкое мгновение в их вечном, изматывающем беге от чего-то тёмного и мучительном поиске ответов, которых, казалось, не существовало. И пока голос Орвина безжалостно резал слух, а его верный дух отсиживался в небытии, на их израненных душах, хоть и ненадолго, становилось чуть светлее и безмятежней. Это был их абсурдный, но действенный ритуал против мрака, их общий знак, что они всё ещё живы и всё ещё вместе.

Весна в тех краях уже полностью вступила в свои права, набирая силу с каждым днём. Погода радовала путников уже не такими робкими и скромными лучами солнца, как неделю назад, а почти летним, ощутимым теплом, которое прогревало землю и наполняло воздух ароматами пробуждающейся жизни. Поскольку на Ксараде, на котором они провели два месяца, снега не бывает в принципе, они в этом году не успели в полной мере устать от зимней стужи, но тёплые весенние лучи всё равно радовали сердце, суля меньше ночного холода и более комфортные ночёвки.

Королевство Рейлин, через который они сейчас следовали, справедливо славился на весь континент своим обилием рек, озёр и самых разных водоёмов. Поэтому трава здесь уже всюду зеленела сочным, ярким ковром, а в самом воздухе висела свежая, чуть сладковатая влажность, что исходит от прогретой солнцем воды и обильной молодой листвы. Однако по ночам, особенно в предгорьях, магии Орвина всё ещё приходилось работать на то, чтобы согреть путников — его дух-хорёк, свернувшись тёплым клубком, излучал ровное, почти незаметное глазу, но жизненно важное тепло, достаточное, чтобы отогнать прочь самый лютой ночной мороз и дать всем возможность выспаться.

По старой дорожной привычке у них была одна палатка на троих. Тесно, зато практично и безопасно. Дежурили по очереди — по чёткому, годами отработанному графику. В одну ночь двое делили вахту: один — первую половину, другой — вторую. Третий спал всю ночь. В следующую ночь роли менялись. Конечно, спать всего половину ночи тяжелее, чем две трети, но возможность полноценно выспаться каждую третью ночь стоила этого. С такой трудностью они мирились без лишних слов. Это был их нехитрый, но эффективный ритм выживания в бесконечном пути.

Больше всего Дарайе нравилось дежурить во второй половине ночи, перед рассветом. В эти часы мир замирал в предвкушении, а её собственные мысли, обычно острые и колющие, словно притуплялись, уступая место редкому спокойствию.

В одну из таких ночей Дарайя сидела у почти догоревшего костра, подбрасывая в него редкие щепки. Айден мирно посапывал в палатке, а Орвин, которого она сменила в середине ночи, уже активно храпел. Тишина была настолько полной, что Дарайя слышала, как лопались угольки в костре и где-то вдалеке кричала ночная птица.

Именно в такие моменты она чувствовала себя почти... обычной. Не изгоем, не чудовищем, а обычной женщиной в бескрайнем мире, где есть только ветер, звёзды и запах влажной земли.

Огонь потрескивал, выкидывая в небо снопы искр, и Дарайя смотрела на них, пока картинка не поплыла, унося её туда, где костёр пах иначе. Где был дом, а не очередная ночёвка под открытым небом.

Отца она видела так отчётливо, будто он стоял напротив.

Высокий, широкий в плечах, с вечно обветренным лицом и руками, которые пахли рыбой и солью. Он никогда не был красавцем — нос с горбинкой, глубокие морщины у глаз, борода, которую он брил раз в неделю, а к концу седьмого дня она становилась жёсткой и колючей. Но когда он улыбался — а улыбался он часто, — его лицо становилось почти мальчишеским.

От него Дарайе досталась форма лица — овальная, с резко очерченными скулами. Та же линия челюсти, тот же упрямый подбородок.

Отец был тхерионцем третьего уровня. Его дух — сервал — почти всегда был рядом. Не материальным, а тенью, что скользила по пятам: длинноногий, большеухий, с пятнистой шкурой, растворяющейся в сумерках.

— Папин хвостик, — дразнила мать.

Отец только усмехался. Магия отцовского духа была способна передавать своему носителю образы того, что видит.

Мать была другой. Невысокая, с мягкими чертами лица и руками, которые вечно пахли травами. Она собирала их с ранней весны до поздней осени, сушила, растирала в порошок, настаивала. В их доме всегда висели пучки зверобоя, мяты, душицы. Она была целительницей с духом большой морской черепахи. Когда она лечила кого-то, над её плечом вырастала полупрозрачная тень, и боль уходила, а раны затягивались.

От матери Дарайе достались глаза — тёмные, почти чёрные, те, что сейчас смотрели на неё с левой стороны её собственного лица. Мать умела слушать. Дарайя помнила, как приходила к ней с обидами, со страхами, с тем, что не могла сказать никому другому. Мать не перебивала, не утешала пустыми словами. Она сидела рядом, гладила по голове, и тишина её была такой тёплой, что всё плохое казалось далеким.

Они были единственными тхерионцами третьего уровня во всей деревне. Ещё была Лиана, мать Орвина — та была целительницей, с духом-дельфином, редким для этих мест. Они часто работали вместе: мать собирала травы, Лиана готовила настойки. Дарайя помнила их смех, пока отец возился с сетями, а маленький Орвин спал в люльке, свернувшись калачиком.

Костёр щёлкнул, выкинув в небо сноп искр.

Дарайя моргнула. Картинка поплыла, рассыпалась, и она снова была здесь — одна, в ночи, с пустотой в груди.

Она провела пальцами по левой стороне лица — там, где не было шрама, где кожа была гладкой и мать когда-то целовала её в щёку перед сном. Потом коснулась правой — неровной, изрезанной, чужой.

И всё тёплые воспоминания растворились.

Это она привела их. Или, может, они пришли за ней — Дарайя так и не поняла. Но одно знала точно: если бы не она, отец бы так же и чинил свои сети, мать лечила бы людей.

Она выжила. Они — нет. И это было самое простое и самое страшное знание, с которым ей приходилось жить.

Рука упала на колено. Дарайя сжала пальцы в кулак, впиваясь ногтями в ладонь, чтобы боль отрезвила, вернула её в настоящее, где нет ни отца, ни матери, ни того, кем она была когда-то.

— Всё, — сказала она себе. Тихо. Жестко. — Хватит.

Дарайя тряхнула головой, прогоняя видения. Прошлое не накормит, не согреет, не защитит от того, что ждёт впереди. Она полезла в мешок, достала одну из книг, полученных от Мики, и поставила котелок на костер.

Вода закипела быстро. Засыпав щепотку молотых зёрен кофе — спасибо торговцам Кассии, она устроилась ближе к огню. Наклонила книгу к свету, перелистнула несколько страниц.

Романтическая история о ведьме и короле. О чём вообще думал Мика, суя ей это?

Но выбирать не приходилось. Они разбили лагерь в метрах двадцати от реки, и до Дарайи долетали звуки воды — монотонные, убаюкивающие. Шорох страниц, треск костра, плеск волн. Можно было почти поверить, что завтрашнего дня не существует. Что есть только здесь и сейчас. Она и... Артур. Его голос, его глаза, то, как он смотрел на неё. Как он вообще оказался на том чердаке? Дарайе хотелось, чтобы у них было больше времени.

Она перевернула страницу и поймала себя на том, что уже несколько минут смотрит в одну точку, не разбирая букв.

— Глупости, — буркнула Дарайя себе под нос и вчиталась в текст снова.

Вдруг она услышала всплеск со стороны реки. Всё её тело мгновенно напряглось. Дарайя резко повернула голову в сторону звука и замерла, затаив дыхание, превратившись в сплошной комок нервов и инстинктов. Глаза в темноте почти ничего не различали, и Дарайя доверилась слуху и чутью... Возможно это была большая рыба, но...

Снова всплеск...

Тело ответило раньше сознания — мурашки по спине, пальцы сами сжали рукоять меча. Девушка замерла, превратившись в слух. Лошади спали. Хотя это было и слабым успокоением.

Сделала вдох — короткий, прерывистый. Сердце тут же отозвалось дробью, отдаваясь в висках. *Дыши*, мысленно приказала она себе.

Еще один всплеск... громче и отчетливее...

Она бесшумно поднялась. Дарайя заставила свои ватные ноги сделать шаг, потом другой. В ночном безмолвии слышимость в разы лучше. Дарайя понимала, что-то, что издавало этот всплеск еще не приблизилось, у нее есть еще время.

Глубокий вдох... пытаясь загнать воздух в онемевшие легкие

Медленный выдох... со свистом. Сердце отозвалось, сбавив бешеный ритм.

Еще вдох — уже ровнее, еще выдох — почти ровный. Дрожь в коленях отступила.

Надо будить Айдена, — пронеслось в голове. Но если там ничего нет, зря подниму тревогу. Он потом еще две ночи спать не будет. Сначала проверю сама.

Еще несколько шагов в сторону реки....

Снова глубокий вдох...

Немного успокоив сбившееся сердце, Дарайя оказалась у последней линии деревьев, за которыми следовал обрыв. Метрах в трёх внизу текла река. Широкие, безмятежные воды Аркая сами по себе не могли издавать такие звуки. Там, в глубине, что-то ворочалось, вздымая волны, — судя по шуму, в воде было что-то крупное.

Дарайя пригнулась, вжавшись спиной в шершавый ствол, и выглянула из-за ветвей. И тут она увидела едва заметное синеватое свечение, ползущее по воде. Сердце пропустило удар. Пригнувшись, она всматривалась, пока наконец не разглядела фигуру. Дарайя никогда не видела его раньше, но в этом не могло быть сомнений. Никто больше не обладал таким духом. Это был Лорд-Адмирал Кайлан Вал'тур — главный и сильнейший тхерионец королевства Рейлин! А синее свечение — его дух, огромный озёрный змей!

Адмирал, не прикладывая видимых усилий, скользил по речной глади. Он двигался бесшумно, будто сам поток нёс его вперёд, не смея коснуться. Со стороны могло показаться, что он стоит на призрачной лодке без бортов, но Дарайя знала — это магия его духа позволяла ему покорять воду. Слева от него то появлялся, то исчезал в глубине громадный синий змей, чьё полупрозрачное тело отливало в лунном свете перламутром, а рогатые очертания головы напоминали драконы.

Вид мужчины, бросающего вызов самой воде, был завораживающим. Величественный, неуязвимый, он казался существом из иного мира — слишком правильным, слишком прекрасным для этой ночи, для этой глуши. Он был будто речной бог, явившийся из самой древней легенды.

Она замерла, спрятавшись в тени деревьев, чувствуя, как в висках стучит кровь. Что ему нужно здесь, в глуши, посреди ночи? Случайность? Или он как главный тхерионец Рейлина проводил осмотр вверенных в его защиту земель? А может, он был на каком-то секретном задании? Мысли путались, натываясь одна на другую, а тело всё ещё не слушалось.

Кайлан Вал'тур остановился в самом центре реки. Невозмутимость его позы казалась высеченной из камня. Взгляд, обращённый вперёд, видел сквозь ночь и расстояние. Вода под ним застыла, превратившись в твёрдую, зеркальную поверхность. Ни ряби, ни всплеска — будто сама стихия замерла в ожидании. Его дух-змей, огромный и как будто невесомый, медленно всплыл, обвинившись вокруг своего повелителя кольцом. Сияющая чешуя испускала фос-

форесцирующий свет, озаряя воду и лицо адмирала холодным сиянием. Это было одновременно прекрасно и пугающе.

Он почувал меня? — пронеслось в голове Дарайи. Где-то в груди заворочался ледяной ком. Она боялась пошевелиться. Разум говорил ей БЕГИ. Но ноги словно приросли к земле, а сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук слышен на другом берегу.

И тут случилось нечто, от чего у Дарайи застыла кровь. Кайлан медленно повернул голову. Его взгляд, прямой и тяжёлый, будто ощупывающий саму тьму, прошёлся по берегу и остановился точно на том месте, где она пряталась. Она перестала дышать. Внутри всё обрвалось.

Он не мог её видеть. Дарайю скрывала ночь и деревья, а расстояние между ними было приличным. Но он знал. Знал, что она здесь. Знал, что она смотрит. Чувствовал её присутствие так же отчётливо, как она чувствовала исходящую от него безмятежную мощь.

Он не сказал ни слова. Не сделал угрожающего жеста. Он смотрел. Смотрел, как смотрит охотник, уже решивший, что делать с добычей, — но медлящий. Его дух-змея тоже обратил свою светящуюся голову в её сторону, и Дарайе почудилось, что зрачки полупрозрачного исполина на мгновение сузились, изучая её.

Она вжалась спиной в ствол, чувствуя, как кора впивается в лопатки. Пальцы до хруста сжимали рукоять кинжала. Жди. Не дыши. Не шевелись.

Дарайя затаила дыхание, её пальцы до белизны сжали рукоять меча. Она ждала. Вопросы, атаки. Чего угодно.

Но ничего не произошло.

Спустя долгую минуту, которая показалась вечностью, Кайлан Вал'тур так же медленно и плавно повернул голову и, не оборачиваясь, поплыл вниз по течению. Его дух растворился в воде, оставив после себя лишь расходящиеся по тёмной глади круги и угасающее синее сияние.

Дарайя выдохнула — и только тогда поняла, что всё это время не дышала. Руки дрожали, колени подгибались, но она заставила себя стоять. Пока его фигура не растаяла во тьме окончательно. Пока последняя вспышка синего света не погасла. И только тогда, когда река снова стала рекой, а ночь — ночью, она позволила себе оторваться от дерева.

— Что это было? — тихий голос Айдена прозвучал прямо у неё за спиной.

Она не услышала, как он подошёл.

— Ты его видел? — не оборачиваясь, спросила Дарайя.

— Успел мельком. И это было...

— Странно? — она наконец оторвалась от дерева и повернулась к нему.

— Не то слово, — Айден проводил взглядом последние проблески сияния на воде. — Неожиданно. Видеть Лорд-Адмирала Рейлина здесь в такой час... Как встретить короля, гуляющего по пустырю в ночном колпаке.

— Может, он патрулирует границы? — предположила Дарайя, всё ещё не в силах отвести взгляд от реки.

— Возможно. Или у него свои дела, о которых нам знать не положено.

Дарайя кивнула. Ощущение было странным — будто она ненароком подсмотрела за жизнью какого-то древнего духа, могущественного и безразличного к их маленькому лагерю.

ГЛАВА 8

Дарайя

Моя любовь, мне жаль, что судьба к нам так жестока. Ты вынуждена терпеть холод его объятий. Делать вид, когда спишь рядом с тем, кто взял тебя силой, а не выбором сердца. Я же стою на мосту между долгом и желанием и с каждым днём всё ближе к пропасти.

Мне плевать, что он король. Я не боюсь ни его короны, ни его ледяного Гримнорского сердца. Я боюсь только одного — потерять тебя.

Знаю, ты просила меня не писать. Знаю, что каждое моё слово может стоить нам головы. Но я не могу молчать, когда твой портрет — единственное, что согревает меня в ночных дозорах, а мысли о тебе — единственное, что заставляет мой дух подниматься из глубины.

Однажды я заберу тебя. Клянусь водами, что носят мой флот. Клянусь светом, что отражается в твоих глазах. Я приду. И пусть тогда весь мир рухнет — мне нужно только одно: чтобы ты была рядом.

Не отвечай. Просто знай, что где-то там, на юге, есть человек, для которого ты важнее всех королевств.

Твой навсегда, Кай

из тайной переписки

Лорд-Адмирала Кайлана Вал'тура

— Ну почему вы меня не разбудили! — Орвин негодовал, драматично заламывая руки, пока Айден проверял лошадей. — Кайлан Вал'тур — это же легенда! Я слышал, что его дух способен поднимать волны размером с дворцы! Эх вы...

Он разочарованно махнул рукой на своих путников и понурил голову, будто они лишили его величайшего сокровища.

— И что тогда? — усмехнулась Дарайя, туго перетягивая ремнём свой мешок. — Ты бы поплыл к нему знакомиться? Помахал бы ручкой с берега: «Эй, адмирал, плыви сюда, выпьем чайку!»?

— Ну уж точно не прятался бы за деревьями как трусливая мышка! — парировал Орвин, подбирая с земли своего хорька, который с понимающим видом тыкался мордочкой ему в щёку. — Я бы поздоровался, вдруг мы бы нашли общий язык. Между прочим, еще я слышал, что адмирал еще тот дамский угодник. Двум таким шикарным мужчинам, как мы с ним, точно было бы о чём поговорить.

Айден фыркнул, встряхивая мокрые руки.

— О чём? О погоде? О новых модных веяниях в шнуровке камзолов при дворе? Поверь, парень, у таких людей, как он, в три часа ночи другие разговоры на уме. И они редко заканчиваются чаепитием.

— Вы не верите в силу обаяния, — вздохнул Орвин, но в его глазах играли весёлые искорки. — Ладно. Запомню. В следующий раз, когда мимо будет проплывать живое воплощение мощи и красоты, я буду действовать. А вы потом не жалуйтесь, что вас на борт его флагмана не пригласили.

Дарайя махнула головой, но уголки её губ дрогнули. Глуповатый задор Орвина был заразным. И после вчерашней ночи эта лёгкая беспечность была ей только на руку.

Несмотря на все выходки Орвина, его надоедливые причуды и вечные причитания, несмотря на то, что порой Дарайе хотелось его придушить, он был её душой. Её отдушиной.

Дарайя плохо помнила его отца. Но по описаниям он был улыбочивым, высоким мужчиной со светлыми волосами. Он рыбачил вместе с её отцом, пока в один из особенно штормовых дней море не забрало его. Отец Дарайи потом говорил, что лодку нашли пустой, а сети были порваны так, будто тянул кто-то нечеловеческой силы. Орвину тогда не исполнилось и года. Говорили, что Орвин был его живой копией. Такие же вечно растрёпанные волосы цвета спелой пшеницы, лезущие в глаза. Такие же веснушки, рассыпанные по носу и скулам. И те же широко поставленные глаза цвета тёплого ореха, в которых почти всегда искрилось озорство.

Поджарое тело и высокий рост скрывали недюжинную выносливость, а руки, привыкшие к луку и кинжалу, двигались с ловкостью, которая появляется только у тех, кто с детства учится выживать. На его кожаных доспехах, словно медаль за неформальность, всегда красовалась какая-нибудь цветная заплатка, кричаще несовместимая с общим цветом. Неугомонный, он никогда не сидел спокойно, пребывая в вечном движении. Если не ног, то рук. Путники путешествовали верхом, что Орвину откровенно не нравилось, ибо долго сохранять одну позу было выше его сил. Но он с лихвой восполнял статику неистовой жестикуляцией и живой, как пламя, мимикой.

И при всей своей напускной бравате — а на малознакомых людей он производил именно такое впечатление — Орвин не был трусом. В минуты настоящей опасности Дарайя знала: на него можно положиться ничуть не меньше, чем на Айдена.

Девушки ходили за ним табуном — и он это отлично знал. Улыбнётся одной, подмигнёт другой, третью заставит покраснеть, сказав что-то шутливо-небрежное. И всё это — без капли серьёзности. Он был слишком лёгким, чтобы влюбляться по-настоящему. Или слишком умным, чтобы показывать, когда это всё же случалось.

Он их хранитель маленьких радостей. Только Орвин мог заметить красоту в первой пробивающейся траве, найти нужные слова в час смятения и грусти, разрядить напряжение нелепой шуткой.

И потому — да. Всё, что они делали последние одиннадцать лет, по большей части было ради Дарайи. Но душой и сердцем их маленькой, странной семьи был безусловно Орвин.

И его дух-хорёк был таким же неугомонным, как и его носитель. Казалось, сама природа тхерионской связи не могла сдержать взрывную энергию этой пары. Духи второго уровня редко отдалялись от своих носителей больше, чем на метр, но любопытство хорька Орвина явно простиралось куда дальше этих условных границ.

Вот и в это утро призрачно-мерцающего зверька можно было видеть повсюду. Он, словно пушистая молния, проносился по лагерю, оставляя за собой лёгкий след сияющей пыли. Вот он уже на крупе лошади, заставляя её фыркать и водить ушами. Вот он деловито обнюхивает мешки с припасами, будто проверяя, не припрятали ли от него что-то интересное. А вот он уже устроился на плече Айдена, наблюдая, как тот сворачивает палатку, и изредка покусывая его за макушку, выражая тем самым своё одобрение или недовольство.

Орвин при этом даже не концентрировался на управлении. Он жил, а его дух — резвился, являясь прямым продолжением его собственной непоседливой души. Они были двумя половинками одного целого, связанные невидимой нитью абсолютного понимания и общей, неиссякаемой жажды жизни.

— Нам нужно уйти дальше от реки, — прервал мысли Дарайи Айден.

— Да, не думаю, что стоит рисковать, — согласилась она. — В этот раз он решил, что мы не стоим его внимания. Но кто знает, что будет, если мы снова встретим адмирала.

— И в каком он будет настроении, — добавил Айден.

Дарайя кивнула и залила костер остатками воды. Пар с шипением взметнулся вверх.

Мысли Дарайи за следующие три дня пути по кругу возвращались к ночной встрече с адмиралом. Его безмолвное появление и такой же бесшумный уход не давали ей покоя, отвле-

кали от дороги. Даже яркое солнце и свежий ветер с grimнорских перевалов не могли полностью развеять ощущение, что за ними пристально следят.

Последние три дня пути слились в однообразную карусель: стук копыт, хруст хвои под ногами и вечные перепалки Орвина с Айденем. Путники остановились на привал у озера, где лесная чаща наконец отступила, уступив место пологому, поросшему осокой берегу.

Орвин и Айден стояли чуть поодаль, у самой воды. Орвин, размахивая руками, что-то горячо доказывал.

— Но это же нелогично! — его голос звонко разносился по берегу. — Если он может управлять водой, почему бы не поднять её сразу до небес и не обрушить на врага разом?

— Потому что это не кувшин с квасом, парень, — парировал Айден. — Море — не игрушка. Даже для него.

Дарайя сидела на корявом пне на границе леса, спиной к тёмному частоколу стволов и лицом к озеру. Она сосредоточенно чистила клинок, движениями выверенными и почти механическими. Рутину успокаивала.

Именно поэтому она первой заметила, как смолкли птицы.

Тишина навалилась внезапно и неестественно. Даже ветер стих. В тот же миг в её сознании, как лезвие по стеклу, проскрежетал навязчивый шёпот:

«Слушай... Слушай... СЛУШАЙ...»

Дарайя резко подняла голову, но взгляд её был прикован к озеру. Она не видела угрозы, но всем существом чувствовала её. Каждый нерв напрягся, вытянувшись в струну. Она сконцентрировалась и замерла, не дыша.

И в этот миг её тело среагировало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.